

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Миллион
черных роз

Наталья Александрова

Миллион черных роз

«ЭКСМО»

2012

Александрова Н. Н.

Миллион черных роз / Н. Н. Александрова — «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-61023-5

Убита Валерия Кликунец – спонсор и друг одного достаточно популярного театра. Поговаривают, что при жизни Валерия не отличалась покорным нравом и плюс к ужасному характеру совсем не интересовалась мужским полом. Валерию привлекали только красивые женщины, и многим хорошеньким актрисам театра она не единожды делала недвусмысленные предложения. Особенно доставала своим вниманием приму Ольгу Чижову. У следствия появился прекрасный мотив и улики против молодой актрисы. В ее гримерной была найдена антикварная брошь Валерии. Теперь почти не осталось сомнений, кто же убийца. Только одно не укладывается в схему – Ольга Чижова или, как привыкли называть ее близкие люди, Лола, не так проста, как кажется. Она вместе со своим другом, известным аферистом Леней Маркизом, провернула уже столько удачных хитроумных операций, что просто не могла так грубо убить поклонницу. Есть более гуманные способы отвести навязчивую дамочку...

ISBN 978-5-699-61023-5

© Александрова Н. Н., 2012

© Эксмо, 2012

Наталья Александрова

Миллион черных роз

Маргарита Федоровна прикрыла глаза и сладко потянулась. Мягкие пальцы гидромассажа нежно массировали тело, снимая дневную усталость, пузырьки сжатого воздуха ласково щекотали кожу, так что ей невольно хотелось смеяться, но все хорошее когда-нибудь кончается. Пора выбираться из джакузи. Ей нужно сегодня сделать еще пару очень важных звонков.

Маргарита нажала кнопку сенсорного выключателя, мотор остановился, она поднялась на ноги, вышла из ароматной воды, как Афродита из пены морской, ступила на кафельный пол.

Одна из стен ванной комнаты была целиком зеркальной, и Маргарита Федоровна с удовольствием осмотрела себя в зеркале. Ей нравилось ее тело. Она вложила в него немалые деньги и огромный труд, и результат был налицо. Ни грамма лишнего жира. Ну, почти ни грамма – а какому мужчине понравится совсем уж сушеная вобла? Тонкая талия, упругая высокая грудь, отличный тонус мышц, шелковистая кожа, покрытая ровным загаром, – отличный результат регулярных занятий в фитнес-центре, посещений косметолога и солярия, соблюдения диеты и жесточайшей самодисциплины.

В свои сорок два Маргарита Федоровна, железная нестигаемая бизнес-леди, одна из самых заметных фигур на оптовом сахарном рынке Северо-Запада, выглядела не больше чем на тридцать, и она собиралась оставаться в этом прекрасном возрасте еще как минимум лет десять.

Маргарита накинула на влажное благоухающее тело купальный халат и вышла из ванной. Горничная Анжела стояла наготове со стаканом вишневого сока – она знала привычки хозяйки и старалась предупреждать ее желания. Правильно делала – в противном случае ее ждала хорошая взбучка. Маргарита любила держать прислугу и подчиненных в постоянном напряжении.

Выпив сок и не глядя протянув в воздух стакан – горничная поймает, – Маргарита пересекла коридор и вошла в кабинет. Она отпустила сегодня свою секретаршу Марьяну и поэтому сама хотела проверить электронную почту – ей должно было прийти важное письмо из Гамбурга. Усевшись в удобное вращающееся кресло, она подъехала в нем к компьютерному столу и собралась уже выйти в интернет, как вдруг увидела на ровном пластике стола рядом с клавиатурой белый картонный прямоугольник. Визитную карточку.

Маргарита подняла карточку и удивленно уставилась на нее.

Золотой обрез, черные с золотом буквы по глянцево-матовому картону.

Всего одно слово – «Магистр».

Одно слово и лаконичный рисунок, сделанный как будто быстрым росчерком тонкого пера, – роза и шпага.

Маргарита отбросила визитку, как будто в руки ей попал скорпион или тарантул. Несмотря на то что она всего лишь минуту назад вышла из теплой ванны, ее забила крупная ледяная дрожь. Маргарита вскочила из-за стола, выбежала в коридор, набросилась на беззвучно стоявшую в ожидании распоряжений Анжелу, с ходу вlepила ей пощечину и завизжала невозможным, режущим слух, ультразвуковым голосом:

– Стерва! Сволочь! Шлюха!

– Что такое, что такое, Маргарита Федоровна? – бормотала Анжела, отступая к стене и пытаясь защитить лицо от наманикюренных пальчиков взбесившейся хозяйки. – Что такое, что случилось?

– Что случилось? – взвизгнула Маргарита, как будто царапнула металлом по стеклу. – Кого ты впустила в мою квартиру, шлюха?!

– Никого! – растерянно отбивалась горничная. – Здесь никого не было! Объясните, что произошло? У вас что-нибудь пропало?

– Пропало? – вскрикнула Маргарита, немного стихая. – Лучше бы у меня что угодно пропало!

Она резко развернулась и ушла в кабинет, оставив горничную в полном недоумении. Маргарита Федоровна понимала, что Анжела тут ни при чем, но ей необходимо было дать выход своим эмоциям – ярости, гневу и, чего греха таить, страху.

Железная леди была напугана, как школьница в ночных трущобах.

Она слышала кое-что о таких визитках.

Получить подобную карточку значило примерно то же, что увидеть перед собой на письменном столе гранату с выдернутой чекой или готовую к смертельному броску королевскую кобру.

Странную кличку Магистр выбрал для себя знаменитый элитный киллер, специализировавшийся на убийствах женщин. То ли жена обобрала его при разводе и он стал женоненавистником, то ли, убивая представительниц прекрасного пола, он испытывал тонкое извращенное наслаждение, но все знали, что Магистр принимает заказы только на женскую смерть. И здесь ему не было равных. Каждое его убийство становилось произведением искусства, театром одного актера и одного зрителя... впрочем, за билетами в этот театр не выстраивалась очередь.

Вымещать злость на горничной было бесполезно: Магистр мог проникнуть куда угодно, и никто не мог ему помешать. Маргарита Федоровна посидела несколько минут за столом, прикрыв глаза и стараясь успокоиться. Не в ее правилах было сдаваться, опускать руки, утрачивать инициативу. Приведя в норму пульс и дыхание, она вызвала Валеру, начальника охраны своей фирмы.

Валера примчался через двадцать минут – собранный, подтянутый, настороженный. Небольшой шрам, рассекавший левую бровь, нисколько не портил его. Память о засаде на горном перевале, из которой только Валера выбрался живым.

Он посмотрел на визитку и поморщился:

– Пижон! Любитель дешевых эффектов!

– Я слышала о нем кое-что другое, – сдержанно проговорила Маргарита Федоровна, стараясь не показывать Валере, как она испугана. Он, однако, заметил это.

– Не беспокойтесь, я усилю меры безопасности. Назначу постоянное дежурство, удвою посты...

– Да, конечно. – Маргарита старалась успокоиться, но страх проник ей под кожу и медленно расползался по всему телу, как алкоголь или наркотик.

– Вы знаете, кто мог... – Валера не договорил фразу, но она прекрасно поняла, что он хотел спросить: кто мог заказать ее, кто мог оплатить дорогостоящие услуги Магистра, кто так сильно ненавидит Маргариту или настолько заинтересован в ее смерти...

– Не знаю, – холодно ответила она.

Это прозвучало как «не лезь не в свое дело».

– Как скажете. – Валера не смел настаивать.

Маргарита снова прикрыла глаза. У нее было много врагов, она считала, что у сильного, энергичного человека их всегда должно быть много. Но когда Валера задал свой вопрос, она в первую очередь подумала об Алене Стародубцевой. Вот кто, наверное, больше всех желал ее смерти...

Два года назад Маргарита не была еще единоличной хозяйкой крупной торговой фирмы, сосредоточившей в своих руках большую часть поставок сахара в Петербург и другие города Северо-Запада. Фирма была акционерной, Маргарита Федоровна владела сорока процентами акций, Никита Стародубцев, вдвоем с которым они когда-то начинали свой сахарный бизнес, тоже сорока процентами, остальные двадцать процентов принадлежали мелким держателям. В

какой-то момент Маргарита решила, что делить фирму с кем-то глупо, и начала планомерное наступление на своего друга и компаньона.

Через подставных лиц она скупила почти все акции независимых держателей, предварительно распустив слухи о снижении рентабельности фирмы и тем самым сбив цену. Когда Стародубцев почувствовал, что она начала подкоп под его влияние, она поручила одному из своих юристов начать переговоры с Никитой якобы от лица акционеров, готовых продать восемь процентов акций, но при этом запросила за них невероятно высокую цену. Никита согласился, боясь в противном случае полностью утратить контроль над фирмой, и купил акции, истратив на это не только все свои свободные деньги, но и большой дорогостоящий банковский кредит.

Каково же было его изумление, когда на очередном собрании акционеров он оказался один на один с Маргаритой, безраздельно сосредоточившей в своих руках контрольный пакет акций!

Он пытался взывать к ее порядочности, напоминал, что они начинали свой бизнес вдвоем, но Маргарита сухо улыбнулась и сказала:

– Боливар не выдержит двоих. Это бизнес, Никита.

После этого она начала медленно расправляться с компаньоном.

Пользуясь перевесом голосов, приняла решение не выплачивать по акциям дивиденды. Никита, владея почти половиной богатейшей фирмы, остался практически без средств, а ему еще нужно было расплачиваться по кредитам... Он попытался продать часть своих акций, но политика Маргариты привела к тому, что цена на акции, не приносящие дивидендов, упала в десятки раз.

Закончилось дело тем, что Маргарита предложила бывшему другу купить все его акции за такую сумму, которая едва позволяла ему рассчитаться с кредиторами.

Никита вынужден был согласиться на это грабительское предложение.

На следующий день после подписания сделки он умер в своем кабинете – не выдержало сердце...

Маргарита не могла забыть, какими глазами посмотрела на нее Алена, вдова Стародубцева, когда они встретились на похоронах. Такой глубокой, всепоглощающей ненависти ей не случалось видеть ни в одном взгляде ни до, ни после этого...

Поэтому сегодня, думая о том, кто мог бы желать ее смерти, Маргарита Федоровна в первую очередь вспомнила об Алене Стародубцевой.

– Маргарита Федоровна! – робко подала голос горничная, показавшаяся в дверях. – Снизу, с поста охраны, передали, что для вас прибыл букет цветов.

– Каких еще цветов? – Маргарита растерянно посмотрела на охранника.

Валера вскочил с напряженным, окаменевшим лицом, помчался на пост. Надел перчатки, развернул огромный букет темно-красных роз, внимательно осмотрел. В букет была вложена еще одна такая же визитка – золотой обрез, черная с золотом надпись, рисунок пером. Валера завернул розы, упаковал их в полиэтиленовый мешок и отправил в токсикологическую лабораторию на анализ, хотя он был уверен, что ничего не обнаружат, никакого яда. Магистр не стал бы действовать так примитивно, присылать отравленные розы. Это был просто еще один пижонский жест, еще одно предупреждение.

Ночью Маргарита Федоровна почти не спала. Ей было страшно. Когда на рассвете она все же забылась ненадолго, ей приснилось, что в спальню к ней вошел человек без лица. На том месте, где у других глаза, нос, рот, у этого страшного гостя не было ничего, вообще ничего, только пустой темный овал.

Это было так страшно, что женщина вскрикнула и проснулась.

Светало. В спальне, конечно, никого не было, но когда Маргарита включила лампу на прикроватной тумбочке и огляделась, она снова закричала и не могла остановиться, пока вбе-

жавшая к ней заспанная перепуганная горничная не влила в нее насильно полстакана ледяной минеральной воды.

– Что такое, что случилось, что с вами? – бормотала Анжела, никогда не видевшая хозяйку в таком состоянии. Маргарита Федоровна молча показала на тумбочку. Горничная взглянула. Но не сразу поняла, что так испугало хозяйку. Небольшая малахитовая шкатулка для украшений, давний подарок, была прострелена. Аккуратное пулевое отверстие красовалось в самом центре зеленой крышки, а рядом с этим отверстием лежала визитная карточка с золотым обрезом.

– Он издевается надо мной, играет со мной, как кошка с мышью... – прошептала Маргарита.

Придя в себя, она выпроводила горничную – прислуга никогда не должна видеть ее в таком состоянии, испуганной и растерянной.

Утром, когда за Маргаритой Федоровной пришла машина, Валера сам поднялся к ней в квартиру и проводил до «Мерседеса», убедившись предварительно, что на улице перед подъездом нет ничего подозрительного. Он открыл заднюю дверцу машины и тут же шарахнулся назад и оттолкнул Маргариту, заслонив ее своим телом: на заднем сиденье лежал черный ящичек с мигающей красной лампочкой на крышке.

Водитель распахнул свою дверцу и выкатился на тротуар. В ту же секунду раздался щелчок, крышка ящичка откинулась, и из нее выскочил смешной ярко раскрашенный клоун с высунутым языком, Петрушка. Валера отвел Маргариту Федоровну на пост охраны, вернулся к машине, обыскал ее, с зеркальцем в руке проверил днище, залез в мотор... кроме дурацкой шкатулки с куклой, в «Мерседесе» не было ничего постороннего.

Валера тряс водителя в бессильной злобе, но парень ничего не видел, ничего не знал, как кукла попала в машину, не имел понятия.

Естественно, в шкатулке с клоуном лежала проклятая визитка.

– Я поеду, – решительно заявила Маргарита, – я не буду прятаться и дрожать. Ты проверил машину?

Валера кивнул, сел рядом с хозяйкой на заднее сиденье «Мерседеса», и огромная машина бесшумно тронулась.

До офиса добрались без приключений, Валера, в условиях повышенной опасности не полагавшийся на рядовых охранников, проводил Маргариту до кабинета, остался в приемной рядом с секретаршей Марьяной, сутулой пресной блондинкой лет тридцати пяти, нудной и исполнительный.

Маргарита Федоровна сделала несколько важных звонков, отдала распоряжения своим заместителям, вызвала на одиннадцать юриста фирмы, с которым нужно было обсудить взаимоотношения с таможней. За текущими делами она забыла свои страхи и понемногу успокоилась.

Около десяти попросила Марьяну сварить кофе. Секретарша приготовила крепчайший «эспresso» с густой плотной пенкой, какой любила Маргарита Федоровна. Валера осмотрел кофеварку, попробовал кофе и сам отнес его хозяйке. Маргарита жестом отослала его. Зазвонил один из телефонов.

– Помнишь Стародубцева? – спросил неузнаваемый, бесполой, искаженный электронным устройством голос в трубке.

И в ту же секунду маленькое, но мощное взрывное устройство, вмонтированное в кофейную чашечку, сработало от дистанционного взрывателя, и в кабинете прогремел взрыв.

Валера ворвался, едва не сорвав дверь с петель, но сделать уже ничего не смог. Голова и верхняя часть туловища Маргариты Федоровны превратились в бесформенную грудку обугленной плоти. Правая нога некоторое время судорожно подергивалась, словно отбивала ритм похоронного марша.

Мужчина, симпатичный, но неприметный, ловко хозяйничал на кухне, что само по себе большая редкость. Он заправил кофеварку, положил в микроволновую печь подогреться четыре слоеные булочки с шоколадом, включил радиоприемник и, внимательно оглядев кухню, решил ненадолго приоткрыть форточку. На улице мела метель – самое для нее время, конец февраля.

Печка мелодично зазвенела, объявляя, что булочки готовы. Кофеварка тоже рапортовала об успехах. Мужчина налил дымящийся кофе в две большие чашки, поставил на поднос два бокала с апельсиновым соком, положил булочки на тарелку, и, уже взяв поднос в руки, вспомнил, что забыл сливки. Он открыл холодильник и достал молочник, одновременно ногой отпихивая неизвестно откуда взявшегося на кухне огромного черного кота в белой «манишке» и «носочках».

– Ну перестань, Аскольд, я все равно никогда не дам тебе бесконтрольно хозяйничать в холодильнике, Лола этого не одобряет, – проговорил Маркиз, и кот, обиженно мявкнув, отошел в угол.

Маркиз прошел по коридору и остановился перед закрытой дверью спальни. Оттуда не доносилось ни звука. Маркиз постоял немного, вздохнул, сделал приветливое лицо и локтем повернул ручку двери.

В спальне царил Морфей. Лола сладко спала на боку. Из-под кружевного пододеяльника видна была прядь темных волос и румяная со сна щека.

– Вставайте, примадонна! – веселым голосом произнес Маркиз. – Ваши верные поклонники ждут не дождутся, когда узрят вас на сцене в свете огней рампы, в которых ваша красота блестит так ярко, что затмевает эти самые огни!

Тут он облегченно перевел дух, радуясь про себя, что сумел добраться до конца такой длинной фразы и ни разу не запнулся. Лола же совершенно никак не отреагировала на его слова, так что Леня слегка расстроился. Но не в его правилах было опускать руки и пасовать перед первой же серьезной проблемой. Он поставил поднос с завтраком на тумбочку у кровати, наклонился и легонько дунул Лоле в щеку.

– Дорогая, – пропел он, – пора вставать! Уже одиннадцатый час, а ты сама вчера говорила, что опаздывать на репетицию никак нельзя.

Лола отреагировала на его слова только тем, что немедленно нырнула с головой под одеяло.

– Слушай, мне это надоело! – Маркиз повысил голос. – Я ведь в конце концов не нянька тебе! У меня между прочим собственные дела есть!

Он сам услышал фальшь в собственном голосе. Дел у него никаких не было, и Лола прекрасно это знала.

С тех пор, как Леня Марков, известный в определенных кругах как Маркиз, вернулся из Египта, где помог получить наследство одной симпатичной старушке и одной малосимпатичной молодой даме, о которой он не мог вспомнить без содрогания, прошло больше месяца. Нельзя сказать, что в его отношениях с Лолой, его верной партнершей и помощницей, осталось все как прежде. Теперь Маркиз и сам не мог понять, как получилось, что он увлекся клиенткой, увлекся не на шутку. Эта маленькая прохиндейка сумела так заморочить ему голову, что он всерьез поверил, что она сумеет заменить ему Лолу.

Они с Лолой были знакомы почти два года, и отношения у них были вначале чисто деловые. Леня Маркиз имел надежную и перспективную профессию – он был мошенником высокой квалификации. При его умении и сообразительности, а также богатой фантазии он всегда мог рассчитывать на кусок хлеба с маслом, потому что за последнее время в нашей стране развелось много богатых людей, которые просто напрашивались на то, чтобы Леня Маркиз их немножечко пощипал. Леня был человеком не злым и всегда знал меру, никогда он не остав-

лял клиента голым. Несвойственную ему суровость он проявил лишь однажды, тогда дело шло о мести. Маркиз отомстил одному опасному и влиятельному человеку Артему Зарудному за смерть своего старого друга и учителя. Леня лишил тогда Зарудного самого дорогого, что у того было – его денег. Без денег Зарудный стал безопасен, как ягненок, и Леню никогда не мучили угрызения совести.

Все это время рядом с ним была Лола, постепенно сумевшая стать для него необходимой. Их связывало общее дело, вкусы, пристрастия, наконец, трое домашних любимцев, которыми они легкомысленно успели обрести за короткое время, в общем, их связывало все, кроме постели. Тут они строго соблюдали негласный договор, никогда не смешивая работу с личной жизнью и скрепя сердце прощая друг другу маленькие грешки на стороне.

Так было до тех пор, пока Леня не встретил в начале зимы женщину, которая была создана для него, послана ему судьбой – то есть он так считал и не стал бы слушать никаких Лолиных возражений на этот счет. Лола, надо отдать ей должное, и не пыталась вмешиваться. Она не стала напоследок устраивать скандал. До Лени дошло гораздо позже, как сильно он обидел свою верную компаньонку. Во всяком случае, когда через месяц он вернулся, пристыженный и виноватый, Лола совершенно недвусмысленно дала понять, чтобы он убирался вон из квартиры, которую они купили в свое время вместе. Дело было не в деньгах, Леня Маркиз был человек обеспеченный, он провернул в свое время несколько удачных операций, и кое-что у него лежало в нескольких европейских банках.

Леня каялся и полностью признал свою вину, он говорил, что Лола была права, что он никогда больше не позволит себе... и так далее и тому подобное... Все было напрасно.

Леня принял меры. Лола вынуждена была уступить. Маркиз думал, что победил, но, как оказалось, это была Пиррова победа.

За время его отсутствия Лола снова устроилась в театр, ведь она была актрисой. Эта работа помогла ей преодолеть одиночество и тоску, когда Леня ее бросил, утверждала она. Театр всегда был ее единственным, подлинным призванием. «Ладно, – великодушно решил Леня, – чем бы дитя ни тешилось...» Но противная девчонка совершенно распустилась. Мало того, что она восстановила против Маркиза всех животных, она еще вела себя как капризная королева. Она утверждала, что имеет в театре большой успех, что ее просто осаждают поклонники, кстати, цветов она привозила со спектаклей ужасающее количество, у него, Маркиза, чуть не началась от этих венков аллергия.

Лола прекратила заниматься домом, все заботы по хозяйству легли на его, Маркиза, плечи. В силу специфики своей работы он не любил чужих людей в доме, поэтому приходилось управляться с животными самому. Кроме того, в обязанности Маркиза входило теперь приготовление еды на все семейство, да еще он должен был будить Лолу по утрам и следить, чтобы она не опаздывала на репетиции.

Эти безрадостные мысли проплывали в голове у Маркиза, в то время как он кружил у кровати и пытался воздействовать на Лолину сознательность. Впрочем, Лолка всегда была несознательным элементом, так что Леня решил сменить тактику. Он внимательно осмотрел все выпуклости под одеялом, прикинул, где у Лолы может быть попка, и без предупреждения сильно за это место ущипнул. Эффект превзошел самые смелые ожидания. Раздался жуткий визг, под одеялом началась активная возня, и вскоре оттуда выскочил маленький пушистый песик мексиканской породы чихуахуа. Он злобно тявкнул на Маркиза и стремглав выбежал из спальни.

– Ты что – с ума сошел? – Лола села в кровати, откинув одеяло. – Если ты злишься на меня, то при чем тут собака? Ты поранил Пу И!

– Кой черт! – рассвирепел Леня. – Выходит, это я его ущипнул! Сам виноват, нечего лезть под одеяло! Скажите, какой неженка нашелся – в кровати он спит! И ты тоже хороша – совершенно распустила собаку, видано ли дело – спать вместе!

– С кем я сплю – тебя совершенно не касается, – ледяным тоном произнесла Лола.

– Это точно, – неожиданно мирно согласился Маркиз, – но меня касается, когда ты встаешь. Но, Лолка, мое терпение скоро лопнет! И ты будешь самостоятельно вставать по будильнику.

– Ты прекрасно знаешь, что я не слышу будильника! – с упреком сказала Лола. – Ну ладно, а что у нас на завтрак?

Она выпила сок и потянулась за булочкой. Леня присел рядом с ней и взял свою чашку.

– Звонили из театра, – заговорил он, – ты даже сотовый не берешь, пришлось мне говорить. Сказали, что репетицию перенесли на полчаса позже. Еще у тебя встреча с этим, как его... ну который с телевидения.

– Ух ты! – Лола подпрыгнула на кровати. – Наконец-то!

– Слушай, ну зачем тебе все это нужно, – укоризненно заговорил Леня, – вся эта шумиха...

– Я тебя умоляю! – Лола капризно надула губки. – Не начинай с утра! Тысячу раз я тебе говорила, что мое призвание – сцена, ты оставался глух к моим словам! И теперь, когда мне сопутствует успех, когда наконец-то пришла слава!..

Маркиз хмыкнул. Лола же отхлебнула кофе и сморщилась.

– Ты опять положил сахар. Говорила же – без сахара, но со сливками! И булочки перегрел, шоколад расплавился.

– Ну, знаешь! – Леня выскочил из спальни, хлопнув дверью.

Лола удовлетворенно улыбнулась и вонзила зубы в третью булочку, которая, надо сказать, была ужасно вкусной.

Лола была совершенно счастлива. Выглядела она отлично: глаза сияли, волосы завивались и блестели, кожа была чиста и упруга. Каждый день Лола проводила в тренажерном зале не менее полутора часов и ни капельки не уставала. Занятия только придавали ей бодрости.

Ей безумно нравилось работать в театре – вся эта суеда, шум, огни рампы... Нравилась публика, нравились ее роли в пьесах. Главный ее отличал. Лола надеялась, что за талант, хотя в свое время подстраховалась на всякий случай. Как уже было раньше, когда она играла в театре, Лола выдумала себе мифического богатого и влиятельного спонсора, то есть, проще говоря, в театре считали, что у нее есть богатый любовник. Лола всегда была дорого и со вкусом одета, в театр ездила на приличной машине – все говорило о том, что ее содержит состоятельный человек. А что в театре его никогда не видели – тоже понятно, стало быть, известный человек, занимает высокий пост и не хочет рисковать карьерой и ставить под удар свою семейную жизнь. Домой только Лола никогда никого к себе не приглашала, тут уж Маркиз проявил твердость.

«Мне не нужна скандальная известность! – решительно заявил он. – Если уж ты настолько легкомысленна, что постоянно появляешься на людях и привлекаешь к себе всеобщее внимание, то хотя бы не приваживай всю эту шантрапу к нашему дому. За твоего богатого любовника я никак не могу сойти, а шофером представляться не хочу. Заведи себе какого-нибудь широкоплечего бодигарда с головой в зачаточном состоянии, он будет очень хорошо смотреться рядом».

Лола обиделась, но послушалась Маркиза, не в смысле телохранителя, конечно. Ей совершенно не нужна гора мускулов, вечно ошивающаяся поблизости. Звонили ей только на мобильник, адреса в театре никто не знал. Зато мифический спонсор частично финансировал постановку «Пигмалиона», и Лоле дали в ней главную роль. На самом деле финансировала спектакль Лола на свои собственные деньги, на собственные деньги покупала свои дорогие наряды – у них с Маркизом когда-то были неплохие доходы, и делили они их по справедливости.

Ленька после своего неудачного романтического увлечения на стороне вернулся шелковым и вел себя тише воды ниже травы. Разумеется, он оскорбил и унизил Лолу, она хоть и

пустила его снова жить в эту квартиру, но не собиралась так быстро прощать обиду и затаила ее надолго.

В театре все шло отлично, у нее замечательно получилась роль Виолы в «Двенадцатой ночи». Лола вообще обожала пьесы Шекспира. Он был ее любимым драматургом. И с Элизой Дулитл на репетициях все выходило здорово, Главный был доволен. В лучах успеха Лола сверкала, как саламандра в огне.

Немного портило настроение отношение остальной труппы, конкретно – женской ее части, но Лола была к такому готова. Было бы странно, если бы к ней отнеслись по-дружески в этом гадючнике.

Еще одним облачком, омрачившим ее лазурный горизонт, было несколько странное отношение к ней обеспеченной дамы средних лет Валерии Борисовны Кликунец, постоянной посетительницы театра, периодически подбрасывавшей коллективу спонсорскую помощь и потому пользовавшейся в театре особыми правами, посещавшей почти все репетиции и не вылезавшей из-за кулис...

Но в остальном все шло отлично, у Лолы определенно наступила полоса удач.

Выпив не спеша кофе и съев три булочки, Лола потянулась в кровати, потом вздохнула и решила, что нужно вставать. Пу И, увидев за окном метель, мигом напустил лужу в коридоре, чтобы не выводили на прогулку, а сейчас гремел на кухне полупустой коробкой с ореховым печеньем, это было его любимое лакомство. Лола хотела было высказать Ленке, что он совершенно не следит за собакой, но, увидев закрытую дверь в его комнату, передумала. Лола всегда умела вовремя остановиться, жизнь ее этому научила.

Она скрылась в ванной и там внимательно и с удовольствием рассмотрела себя в большое зеркало.

«Какая же я хорошенькая, когда растрепанная!» – подумала Лола и улыбнулась самой себе дружелюбно и открыто.

Потом она улыбнулась себе радостно и по-детски наивно. Потом – чуть высокомерно. И наконец – холодно-равнодушно, одними губами.

Ассортимент ее улыбок не был исчерпан даже наполовину, но Лола решила, что следует поторопиться, иначе она и вправду опоздает в театр. Полностью приведя себя в порядок, она вышла в коридор и подобрала с полу маленькое зеленое птичье перо. Лола горестно вздохнула.

Перо принадлежало попугаю Перришону, который появился в их доме в начале зимы – просто влетел в открытую форточку. На объявление, вывешенное Лолой о находке попугая, никто не отозвался, и Маркиз ехидно заметил по этому поводу, что хозяева такой мерзкой и нахальной птицы радуются сейчас, что от нее избавились и ни за что не примут ее обратно. Попугай и вправду был страшный хулиган. Он подстрекал на всевозможные каверзы не только инфантильного, легко поддающегося дурному влиянию песика Пу И, но и солидного, независимого, уважающего себя кота Аскольда. Из-за скверного характера жизнь трудновоспитуемого попугая не раз висела на волоске. Когда он обгадил дорогой и самый любимый пиджак Маркиза, неосмотрительно брошенный им на стуле, Леня всерьез подумывал, не свернуть ли наглой птице шею. Спасла Перришона Лола, а также то, что Леня Маркиз ненавидел насилие во всех его проявлениях, оттого и выбрал такую бескровную интеллектуальную профессию.

Понемногу попугай перевоспитался, и Леня даже привязался к нахальной птичке, во всяком случае теперь, когда попугай явно недомогал, Лола и Маркиз дружно переживали по этому поводу.

Вызывали на дом опытного ветеринара, тот сказал, что птице не хватает солнца, выписал витамины и полчаса в день прогревания кварцевой лампой. Улучшения пока не наступало.

Лола нашла попугая на платяном шкафу в гостиной. Он сидел, нахохлившись, взъерошив перья и прикрыв глаза.

– Перренька милый, – ласково заговорила Лола, – Перренька умница, Перреньке орешков...

Попугай приоткрыл один глаз и грустно поглядел на Лолу.

– Ой, у него аппетит пропал! – испугалась она. – Леня, Перришону совсем плохо! Он заболел!

– Да сожрал он своего корма чуть не полпакета! – слышался из комнаты раздраженный голос Маркиза.

– Тогда все не так страшно! – Лола заметно повеселела. – Ленечка, дорогой, я уйду в театр на репетицию, но днем появлюсь, так что озабочься, пожалуйста, насчет обеда! Заранее благодарна!

Лола накинула норковую шубку, закуталась шарфом и уперхнула.

Выпроводив наконец Лолу, Маркиз тяжело вздохнул. Такая жизнь не для него. И дело вовсе не в том, что ему в тягость было возиться со своей вконец распоясавшейся подругой. Дело было в том, что Леня не мог так долго простаивать. У него ржавели и плесневели мозги, он физически ощущал, как жиреет и тупеет от безделья. Ему не хватало риска, приключений, борьбы. Ему не хватало работы, а работа в его понимании была обязательно сопряжена с опасностью.

И вдруг зазвонил телефон.

Это само по себе было удивительно – им с Лолой почти никогда не звонили, он настоял на том, чтобы Лола не давала в театре своих координат, что создавало вокруг нее среди коллег по сцене дополнительную ауру тайны и загадки. Звонить могла разве что сама Лола, но она еще явно не доехала до театра. Если только забыла что-нибудь дома и набирает теперь по сотовому...

Леня снял трубку.

– Привет, Маркиз! – услышал он знакомый голос. – Узнаешь?

– Здорово, Ухо!

Леня узнал голос молодого парня, своего давнего знакомого, большого специалиста по автомобилям любых марок и фирм, неоднократно выполнявшего для Маркиза самые необычные заказы. Если нужно было угнать машину, будь то хоть личный лимузин султана Брунея или покойной принцессы Дианы, достаточно было позвонить ему и поставить задачу. Чем сложнее была эта задача, тем охотнее Ухо брался за нее. Однажды он для серьезной операции угнал по Лениному заказу инкассаторский броневик, так никогда и не рассказав, как ему это удалось.

– Здорово, Ухо! – повторил Маркиз. – Как дела?

– Поговорить надо, – осторожно ответил парень, – помнишь то место, где мы встречались последний раз?

– У Эдика? – уточнил Маркиз.

– Во-во. Буду там через час.

Через час Леня вошел в небольшое уютное кафе на Петроградской стороне. Оформленное под индейский вигвам, кафе было очень популярно среди продвинутой молодежи. По стенам висели звериные шкуры, длинные резные трубки, луки со стрелами, индейские головные уборы из перьев, бизоньи рога... Правда, трубки, луки и прочие «индейские» прикормы изготовили для кафе студенты художественного училища, а рога были не бизоньи, а коровьи, но от этого кафе не стало хуже, и столики его были заняты в любое время суток.

Маркиз окинул взглядом полное табачного дыма и ровного гула голосов помещение и увидел за угловым столиком на двоих своего знакомого. Ухо помахал ему рукой. Леня подсел к нему, поздоровался и выжидающе замолчал.

– Понимаешь, Маркиз, – начал парень, загасив сигарету в керамической пепельнице и отставив маленькую чашечку ароматного мокко, – есть одно дело по твоей специальности. Ты,

конечно, сейчас при деньгах, и тебе работа вроде ни к чему, но я подумал – вдруг заинтересуешься...

– А что за дело? – с показным равнодушием осведомился Ленья.

В действительности он почувствовал специфическое покалывание в корнях волос, и кровь его побежала быстрее от одного только предвкушения настоящей работы. Сейчас он готов был взяться за любое, самое пустяковое дело – не потому, что нуждался в деньгах, а потому, что нуждался в адреналиновой подпитке, в острых ощущениях, связанных с очередной аферой...

– Подробностей я не знаю, да это и понятно, мне они ни к чему. Но только один очень большой человек попал в клещи, и чтобы выкарабкаться, ему нужен ловкий парень. Очень ловкий и умный парень. Я сразу подумал про тебя. Ну, естественно, гонорар светит очень приличный... Короче, если тебе это интересно, я могу устроить вам встречу, дальше вы уже сами договаривайтесь.

– Ну что ж, – с ленивой задумчивостью проговорил Ленья, – поговорить можно... Отчего бы не поговорить?

Лола ворвалась в квартиру раньше, чем обещала.

– Вот хорошо, что ты пришла, – радостно встретил ее Маркиз, – поможешь попугая под кварцевой лампой подержать. А то я замучился совсем, рук, понимаешь, никак не хватает. Присоединяйся!

– Вот еще! – фыркнула Лола. – Мне некогда!

Она швырнула на столик в прихожей довольно объемистый пакет в яркой подарочной бумаге, сбросила шубу и расстегнула сапоги.

– У меня через два часа встреча на телевидении, а еще нужно переодеться. Оттуда – сразу на спектакль. Ленечка, есть хочу безумно, просто умираю!

– А ничего нет, – невозмутимо ответил Маркиз, – еще не готово. Я вот тут с Перришоном занимался.

Попугай, услышав свое имя, влетел в коридор и уселся Маркизу на плечо.

– Ну, здравствуйте! – возмущенно заорала было Лола, но махнула рукой и резким жестом сорвала обертку со своего пакета.

– Что это у тебя? – поинтересовался Ленья.

В пакете была очень красивая коробочка, и по дивному запаху, доносящемуся от нее, Ленья признал шоколад, причем не абы какой, а очень хороший.

– Дорогая, не хочу тебя одергивать, но ты ведь сама говорила, что будешь ограничивать себя в сладком... – мягко произнес он.

Лола раздраженно открыла коробку и не удержалась от восторженного вздоха.

Шоколадные диски размером с хоккейную шайбу лежали каждый в отдельной кружевной розеточке и упоительно пахли. Не обращая внимания на Ленины слова, Лола взяла один и откусила. На лице ее появилось выражение блаженства.

– Называется – флорентен, совсем свежие, только что из Франции привезли, – пробормотала она, – там внутри еще орехи...

– Лола, до добра это не доведет! – строго сказал Маркиз. – Зачем ты шоколад покупаешь...

– Да не я это! – рассердилась Лола. – Мне в театре подарили... неудобно было не взять...

– Это кто же такой заботливый?

– Ах черт! – Лола в сердцах отбросила коробку, и попугай тут же уселся на столик и заворковал:

– Пер-реньке ор-решков! Сахар-рку!

– Отстань, это не для тебя – крикнула Лола попугаю, – есть одна такая личность у нас в театре...

– Ты к этой личности не благоволишь, зачем же берешь подарки?

– Ох, ты не понимаешь, – Лола отвернулась в раздражении и пошла в комнату, – есть у нас такая дама... немолодая... она, как бы это выразиться... ну, торчит вечно в театре, денег подбрасывает время от времени, поэтому вроде как своя в доску. Никто ее не гонит, запросто приходит и на репетиции, и всюду...

– Что-то я не врубаюсь, а ты-то тут при чем? – Леня шел следом, и вопросы его приобретали все более настойчивый характер.

– Да понимаешь, она, как бы это сказать... интересуется молодыми актрисами.

– Как она ими интересуется? – пророкотал Леня голосом ревнивого мужа.

– Как-как, будто не знаешь! – вспыхнула Лола.

– Лесбиянка она, что ли?

– Ну, вроде того, – вздохнула Лола, – но никаких скандалов не было, все, как говорится, по обоюдному согласию.

– И теперь она запала на тебя? – гремел Леня.

– Это ничего не значит, я сумею за себя постоять!

– А зачем берешь подарки? Флорентен этот, мать его... – Лола давно не видела Леню таким сердитым.

– Да не беру я! Это случайно вышло, она так неожиданно ко мне подкатилась со своим шоколадом, неудобно было отказать! Она богатая такая, денег дает... при людях никак нельзя ей нахамить.

– О чем ты вообще с ней разговаривала?

– Да так... она восхищалась моей игрой, а я в ответ похвалила ее брошку – действительно, очень занятная... Старинная работа и дорогая... такая змейка, усыпанная бриллиантами, а глазки – довольно крупные изумруды... ты же знаешь, что я равнодушна к таким вещам...

– Лола, я никогда не думал, что ты можешь быть такой законченной идиоткой! – откровенно заговорил Леня. – Ты похвалила брошку, теперь жди ее в подарок! И уж потом, дорогая, не отвертись, придется тебе проклятую брошку отрабатывать в постели со старой... – Маркиз был так зол, что даже употребил неприличное слово, хотя обычно никогда такого не делал.

– Ты с ума сошел! – Лолу передернуло. – Ты за кого меня принимаешь?

– А кто ты есть в этом своем театре? – огрызнулся Маркиз. – Не ты ли мне недавно говорила, что все прекрасно – публика тебя обожает, роли дают самые лучшие, главный режиссер ценит...

– Ну да, все так и есть, только эта самая Валерия Кликунец и есть моя ложка дегтя, облако на лазурном горизонте, темное пятно на солнце! Сам ведь знаешь, что все хорошо не бывает!

– Знаю, только не знаю, как ты будешь из этого выпутываться. Лола, как бы потом поздно не было!

– Вечно ты каркаешь! – начала было Лола, но в это самое время совершенно неожиданно с кухни донесся оглушительный грохот.

– Что это? – Леня оглянулся и бросился на разведку, но Лола опередила его с громким криком:

– Пу И, детка моя, что с тобой стряслось?

Пу И так часто устраивал в квартире погромы, что Лола ничуть не беспокоилась о его самочувствии, просто ей хотелось прекратить неприятный разговор. С Пу И и правда совершенно ничего не случилось. Во всяком случае, у него был очень счастливый и довольный вид. Он сидел посреди кухни и с удовлетворенным сопеньем отгрызал ногу у индейки. Вторую ногу у несчастной покойницы с громким урчанием отъедал Аскольд. Представительный, солидный

черный кот с белоснежными лапами и манишкой утратил все свое достоинство и рвал зубами бедную птицу, как дикий зверь в ночном лесу.

Рядом с останками индейки валялась микроволновая печь.

Картина преступления вырисовывалась достаточно отчетливо.

– Вы, мародеры несчастные! – закричал Маркиз, замахиваясь на двух хищников шваброй. – Мало того, что нашу индейку подло сперли, так вы еще новую микроволновку угроби!

– Не трогай его! – Лола загородила своего любимого песика от карающей швабры разъяренного Маркиза. – Он не виноват! Он совершенно ни при чем! Где была твоя несчастная индейка?

– В микроволновке, – ответил Маркиз, постепенно успокаиваясь, – я ее размораживаться поставил.

– Ну, а где была микроволновка?

– На холодильнике, на самом верху, ты же знаешь!

– Ну, вот видишь – значит, у Пуишечки алиби.

– Какое еще алиби? – Маркиз пытался отодвинуть Лолу и достать наглых зверей шваброй.

– Самое что ни на есть железное. Он на холодильник забраться никак не мог, ты же отлично знаешь. Это все твой кот.

– Ага, вся работа досталась Аскольду, и все шишки Аскольду, а как индейку жрать – так твой Пу И первый! Что теперь с этой индейкой-инвалидкой делать? Я ее собирался на обед приготовить!

– Пуишечка, золотко мое! – Лола наклонилась над песиком и попыталась оттащить его от индейки, но тот злобно зарычал на нее и чуть не укусил за палец. – Пуишечка, тебе нельзя сырое мясо! У тебя заболит животик!

Маркиз наблюдал за ней, откровенно потешаясь:

– Нет, но это просто настоящий дикий зверь! Ты уверена, что чихуахуа – декоративная порода? Может быть, у Пу И дедушка был бультерьер? Или ротвейлер? Или собака Баскервиль?

– Сам ты бультерьер, – обиделась Лола за своего любимца, – ну сделай же что-нибудь, а то он заболеет!

– Так ему и надо! – кровожадно заявил Маркиз.

Однако он все же поднял индейку с пола, и два троглодита, не в силах расстаться с птицей, повисли в воздухе, держась зубами. Маркиз перехватил индейку поудобнее и принялся вращать вокруг себя.

Пу И не выдержал первым. Он свалился на пол, сжав зубами солидный кус мяса. Кот продолжал висеть. Он вцепился в птицу передними лапами, а задними пытался достать Маркиза и располосовать его руку специальным кошачьим приемом.

– Убил бы! – вздохнул тот, старательно держа индейку на вытянутых руках.

– А если водой полить? – деловито предложила Лола.

К коту она относилась неплохо, но сегодня была голодна и зла на Валерию и вообще на весь свет. Аскольд услышал про воду и сдался сам.

Лола выбросила отвратительные ошметки, еще недавно бывшие индейкой, в мусоропровод, вытерла пол и шваркнула на сковородку три яйца. Кот злобно наблюдал за ней с буфета.

Вечером следующего дня Маркиз, как ему было назначено, сидел в своей машине на одной из аллей Крестовского острова. Аллея была слабо освещена единственным горящим вполнакала фонарем. Мела поземка, и вечер был такой, когда хочется одного – устроиться в тепле, в удобном кресле с бокалом коньяка и смотреть по телевизору какое-нибудь ненавязчивое ток-шоу.

«Зачем я впутываюсь в очередную авантюру? – думал Маркиз. – Не раз потом об этом пожалею... ведь деньги мне сейчас не нужны, дела обстоят неплохо...»

Но он знал, что ни за какие коврижки не откажется от работы, как альпинист не откажется от нового опасного восхождения, как парашютист не откажется от головокружительного прыжка...

Наступило назначенное время, но пока никого не было видно. Маркиз посмотрел на часы и повернул ключ в замке зажигания: на такие встречи или приходят вовремя, или не приходят вообще. Возможно, таинственный клиент просто передумал или сам справился со своими проблемами и больше не нуждается в Лениных услугах...

В это время из-за поворота аллеи показался черный «Мерседес». Маркиз попытался разглядеть его номера, но они были ловко замазаны. Черный «Мерседес» остановился рядом с Лениной машиной и помигал фарами. Леня, как было заранее условлено, вышел из своего автомобиля и подошел к «Мерседесу» заказчика. Тот распахнул заднюю дверцу, приглашая Леню сесть.

Устроившись на заднем сиденье, Леня осмотрелся. В «Мерседесе» пахло хорошей кожей и дорогим одеколоном. Свет в салоне был выключен, и разглядеть заказчика не удалось. Леня видел только, что это крупный, рослый мужчина. Он сидел на водительском месте и не поворачивался назад. Дождавшись, когда Леня усядется и захлопнет дверь, незнакомец заговорил:

– Мне очень хорошо вас рекомендовали. Сказали, что вы умеете работать не только руками, но и головой.

В ответ на такое заявление можно было только скромно промолчать, что Леня и сделал. Он ждал, что еще скажет заказчик, а тот молчал: видимо, ему было трудно приступить к делу. Наконец, тяжело вздохнув, незнакомец продолжил:

– Я попал в очень сложное положение. Меня шантажируют. Дело в том, что некоторое время назад я совершил... ошибку.

Леня не стал спрашивать, о какой ошибке идет речь – если захочет, заказчик сам скажет это, если не захочет, любые вопросы бесполезны, они только выставят Леню в невыгодном свете, как человека несдержанного и излишне любопытного. Мужчина за рулем выдержал еще одну паузу и продолжил:

– Нашелся человек, который стал шантажировать меня.

Леня внимательно смотрел на своего собеседника, ожидая продолжения. И оно последовало:

– Думаю, вы, так же, как и я, прекрасно понимаете, что платить шантажисту – такое же пустое и бесполезное занятие, как попытка выпить море. Эти угрозы нужно пресечь раз и навсегда...

– Боюсь, что вы обратились не по адресу! – резко прервал Маркиз потенциального заказчика. – Я никогда не занимаюсь такими делами. «Пресечь раз и навсегда» – это не моя специальность. На такие дела поищите кого-нибудь другого... Умельцев подобного профиля в городе хватает. Это вам и дешевле обойдется.

– Вы меня не поняли! – заказчик повысил голос. – Я вовсе не собирался предлагать вам... мокрое дело. Мне говорили, чем вы занимаетесь. Я навожу справки, прежде чем обратиться к тому или иному человеку. Я хотел просить вас совершенно о другом. Тот персонаж, шантажист, о котором я говорил, опасен мне только потому, что в его руках находится один предмет... папка. Если этой папки не будет, то и опасности шантажист не будет представлять. Змея останется без зубов, и шантаж прекратится...

«Кто, интересно, этот человек? – думал Маркиз, внимательно слушая своего собеседника. – У него вполне грамотная, интеллигентная речь, без бандитских словечек и агрессивного уголовного напора; видно, что он умеет убеждать, привлекать людей на свою сторону. Скорее всего, он не промышленник и не финансовый воротила, а профессиональный политик. О том же самом говорит и то, как он скрывает от меня лицо – наверняка частенько мелькает

на телеэкране и боится, что я его узнаю... Ох, не люблю я политиков! Опасная публика, хуже бандитов!»

– Значит, вы хотите, чтобы я похитил для вас эту папку? – уточнил Леня, когда заказчик снова замолчал.

– Да, я хочу, чтобы вы выяснили, где эту папку прячут, и... раздобыли ее для меня, – заказчик явно избегал прямых высказываний, таких слов, как «убийство», «кража», «похищение» – они казались ему недопустимыми, неприличными, это были слова не из его лексикона.

– Вот сумма гонорара, – не поворачивая головы, человек на переднем сиденье через плечо протянул Маркизу маленький листок бумаги. Леня прочел шестизначную цифру и задумался.

Эта сумма насторожила его. Такой большой гонорар за обыкновенную кражу не мог не вызвать подозрений. Если за простую работу предлагают столь большие деньги, одно из двух – либо это очень непростая работа, либо деньги просто не собираются платить. Либо и то и другое одновременно.

Словно прочитав его мысли, заказчик снова заговорил:

– Я рассудил следующим образом. Я просто заплачу вам те деньги, которые требует от меня шантажист. Это будет очень выгодным вложением средств: шантажист никогда не останавливается на достигнутом, и платить ему придется снова и снова, а так я расплачусь раз и навсегда. Кроме того, я могу треть этой суммы заплатить вам авансом, чтобы предотвратить возможные опасения.

Маркиз задумался. Ему очень не понравилась фраза заказчика «расплачусь раз и навсегда». Он хорошо знал, что бандиты называют окончательным расчетом. И вообще очень многое вызывало у него опасения... но ему так надоело затянувшееся безделье, скрашиваемое только постоянными перепалками с Лолой и воспитанием обитателей домашнего зоопарка, что он глубоко вздохнул, словно собираясь прыгнуть с обрыва в темную воду, и решительно сказал:

– Я согласен.

– Очень хорошо, – заказчик не выразил никаких эмоций, словно заранее был уверен в Ленином решении, – вот, познакомьтесь с объектом.

С этими словами, по-прежнему не поворачивая головы, он протянул Лене листок, отпечатанный на лазерном принтере.

На этом листке был цветной портрет. Выразительное мужское лицо, холерное, надменное, но с каким-то нездоровым блеском в глазах. Короткие темные волосы с заметной проседью явно знакомы с руками первоклассного парикмахера. Узкие губы говорят о жестком, тяжелом характере, о мстительности и властолюбии.

Ниже портрета было напечатано имя – Николай Афанасьевич Аветисов. Дальше стояли адрес и телефон, Маркиз внимательно прочел их и тут же запомнил, память у него была великолепная, профессиональная. Он поступил совершенно правильно, заказчик не оставил ему распечатку, он убрал ее в карман, коротко осведомившись:

– Запомнили?

– Запомнил, – спокойно подтвердил Маркиз.

– Хочу предупредить вас, что теперь вы уже не можете изменить принятого решения. Вы ознакомились с объектом и теперь обязательно должны довести дело до конца. Ваша задача – узнать, где он прячет папку, найти ее и передать мне. Тогда я заплачу вам оставшуюся часть денег. Аванс, как я вам сказал, вы получите прямо сейчас.

С этими словами заказчик, все так же не оборачиваясь, протянул Лене через плечо пухлый пластиковый конверт.

Маркиз убрал конверт в свой кейс, коротко простился и перебрался из черного «Мерседес» в свою машину.

На улице по-прежнему мела безжалостная февральская метель. Захлопнув дверцу своего авто, Леня долго не мог согреться, хотя печка была включена на полную мощность. Ледяной холод пробирал его до самых костей. Его знобило не только от того холода, который проникал в машину снаружи, но и от того, который гнезвился у него в душе. Его знобило от скверного предчувствия.

«Не зря ли я взялся за это дело?» – тоскливо подумал Маркиз. Но заказчик выразился абсолютно недвусмысленно: изменить решение Леня теперь уже не мог. Он слишком много знал.

Черный «Мерседес», тихо урча мощным мотором, проехал мимо и скрылся за поворотом аллеи. Леня проводил его взглядом. Как и следовало ожидать, задние номера «Мерседеса» тоже были тщательно замазаны.

Дома за экраном своего компьютера Леня внимательно обдумывал будущую операцию, одновременно просматривая справочные файлы городского управления внутренних дел, обновленную пиратскую копию которых купил недавно на компьютерном рынке.

Несмотря на кажущуюся простоту задания, работа предстояла достаточно трудная. За легкую работу и не платят таких денег. Сложность задачи заключалась в том, что Маркиз понятия не имел, где хранится папка, которую он должен был раздобыть. Проще всего было бы найти эту папку в квартире у Николая Афанасьевича Аветисова, Леня отыскал бы способ похозяйничать там в отсутствие хозяина, но маловероятно, что этот человек хранит такой важный компромат у себя дома.

На экране монитора появилась запись, которую Леня искал, информация о господине Аветисове. Он оказался директором небольшой юридической фирмы, занимавшейся в основном учреждением и закрытием предприятий. Маркиз не раз сталкивался с такими фирмами – они подкармливают двух-трех смиренных алкоголиков, прописанных в какой-нибудь захудалой деревеньке Ленинградской области, до которой доехать можно только на вездеходе, да и то в хорошую погоду. Когда у юридической фирмы появляется клиент, которому срочно нужно закрыть свое предприятие, за которым накопились кое-какие грешки, это сомнительное предприятие просто переоформляют на безобидного деревенского алкаша. Если теперь какая-то проверяющая организация вспоминает о «проданном» предприятии, ей сообщают, что директор, он же владелец фирмы, проживает в таком медвежьем углу, что интерес к проверке сразу угасает. Тем более, что за тем же алкоголиком числится уже добрый десяток сомнительных фирм...

Итак, у Лени был домашний адрес Аветисова, адрес его фирмы, были телефоны, но это почти ничего не давало. Папка могла быть спрятана дома, могла – в офисе фирмы, а могла – в каком-то совершенно другом месте, и что-то подсказывало Маркизу, что именно так дело и обстоит.

В довершение всех неприятностей, Леня не мог обратиться за помощью к Лоле, она полностью удалилась от их общего бизнеса и думала теперь только о театре. А Леня чувствовал, как нужна ему сейчас Лолина помощь. Он хотел бы просто обсудить с ней свою проблему, просто поговорить с ней. Он даже не слишком рассчитывал на то, что Лола посоветует ему какое-то разумное решение – в диалоге с ней ему самому всегда лучше думалось и приходили в голову хорошие мысли... Попросту говоря, за долгое время он привык работать с ней вдвоем.

Маркиз вспомнил один из рассказов Конан-Дойла, в котором Шерлок Холмс оказался точно в таком же положении – он должен был вернуть компрометирующее письмо, похищенное авантюристкой Ирэн Адлер. Великий сыщик имитировал в доме авантюристки пожар, и она в первую очередь вынесла из огня бесценное письмо. Леня подумал, что мог бы подстроить пожар в доме у Аветисова или в офисе его фирмы, но кто его знает, где тот хранит злополуч-

ную папку, а второй попытки уже не будет – Аветисов насторожится и перепрычет компромат десятикратно надежнее...

Откланявшись положенное время, Лола убежала со сцены и заперлась в крошечной каморке, являющейся ее гримуборной. Сегодня она была в этой комнате одна, ни с кем ее не делила. В коридоре раздавались какие-то визги, шум, в то время как публика потихоньку расходилась.

Сыграла она сегодня хорошо. «Как всегда, безупречно», – сказал Главный и легонько шлепнул ее по попке, что означало у него высшую похвалу. Публика хлопала и даже кричала «Браво!» Соперницы шипели по углам – словом, все шло хорошо. Но Лола отчего-то была недовольна.

За стенкой раздался взрыв хохота – там коллеги отмечали успешное окончание спектакля. Раньше ее неоднократно звали с собой, Лола всегда отказывалась. Она знала, чем кончаются такие сборища – напиваются до поросычьего визга, кто-то еще и накуривается, кто-то накаливается, а после утром обязательно просыпаешься в чужой постели, потому что домой отвести некому – все нетранспортабельны.

– Как же они мне все надоели! – неожиданно произнесла Лола вслух и огорчилась.

Вот, она уже разговаривает сама с собой, потому что больше не с кем. Дома сидит недовольный Ленька. Может, позвонить ему и попросить приехать? Вряд ли он согласится, у них совсем испортились отношения. Лола наотрез отказалась помогать ему в последней операции. Что выдумал, в самом деле? Деньги сейчас у них есть, Артем Зарудный, слава тебе господи, оставил их в покое, так стоит ли рисковать и искать на свою голову сомнительных приключений!

Но разве эти мужчины слушают голоса разума? Ему, Ленечке, видите ли, скучно! Его мозги заржавели, а члены заостенели! Он, видите ли, застоялся без работы, и если так будет продолжаться, он просто потеряет квалификацию! Ну, допустим, доля правды в этом имеется, но Лола-то тут при чем? Почему она должна сломя голову лететь по первому Ленькиному требованию неизвестно куда? Она же ясно сказала тогда, когда он улетал в Египет с той коротконогой стервой: их совместная фирма закрывается на неопределенный срок. Пусть ищет себе других помощниц!

Лола кривила душой и обманывала саму себя. Ее вполне устраивало совместное существование с Маркизом в одной квартире. И со временем, возможно, она поможет Леньке в делах. Но только не сейчас. Сейчас у нее сложный период, она слишком занята в театре и вообще...

Что она подразумевает под «вообще», Лола не уточнила. Раздраженно снимая грим, она не заметила, как дверь каморки слегка задрожала. Кто-то пытался ее открыть, причем делал это как можно незаметнее. Но Лола недаром имела еще одну профессию, кроме профессии актрисы. Она уловила легкое движение за спиной и, не поворачиваясь к двери, передвинула зеркало, так чтобы видеть то, что творится сзади.

Задвижка на легкой, почти картонной двери, висела на одном винте, да и тот при желании можно было легко вытащить из гнезда. Дверь снова качнулась. Лоле стало страшно, тем более, что за стеной и в коридоре было на удивление тихо – очевидно, шумная компания артистов уже успела переместиться в маленький ресторанчик, что находился через улицу от театра. Хозяин ресторана был ярым почитателем театра, всячески приветчал артистов, держал свое заведение открытым до глубокой ночи и даже давал выпить в долг. Но не в Лолиных правилах было впадать в панику, замирать от ужаса и кричать слабым голосом: «Помогите!» Она прекрасно отдавала себе отчет, что вряд ли кто поможет в данной ситуации. Застать себя врасплох Лола не даст. Она скинула туфли и одним прыжком оказалась у двери, прихватив по дороге низенькую

скамеечку. Не бог весть какое оружие, оглушить злоумышленника не удастся, но ошеломить в первую минуту возможно.

«Нужно срочно попросить Ленку, чтобы достал пистолет, хотя бы газовый», – мелькнуло в голове.

Дверь дернули сильнее, винт наконец вылетел из гнезда, задвижка с шумом упала на пол. Лола занесла над головой скамеечку, но тут же отбросила ее в сторону, потому что в приоткрывшейся двери показалась голова Валерии Борисовны Кликунец, Лолиной ложки дегтя в театральной бочке меда, а точнее не меда, а патоки.

– Боже мой! – раздраженно воскликнула Лола. – Как вы меня напугали! Отчего вы не постучались, как все люди?

– Я стучала, но тихо, – медленно ответила Валерия, – не хотелось, чтобы кто-нибудь заметил, как я вхожу к вам в уборную.

«Начинается!» – пронеслось в голове у Лолы.

– Что вам угодно? – сухо спросила она, решив на этот раз быть убийственно вежливой.

Валерия с любопытством осмотрелась.

– Пожалуй, в этой каморке я еще не была! – совершенно спокойно сказала она. – Сочувствую вам, девочка, здесь очень тесно.

– Вот именно, и одному-то человеку негде развернуться, – с намеком поддакнула Лола, но ее гостья сделала вид, что не понимает намеков.

Она вообще держалась очень свободно, как будто то, что она хотела предложить Лоле, было совершенно естественной вещью – ну, как воды попить...

– Валерия Борисовна! – громко начала Лола, но та сделала шаг вперед и поднесла к губам Лолы сильно надушенную руку:

– Тише, дорогая, тише! Тут по коридору шмыгает эта... как ее, ну травести... голос еще такой писклявый...

Лола, вспомнив о ком идет речь, невольно поежилась – стареющая травести Лизка Штукина была самой ненавистой ей личностью в театре, яркой сплетницей и злопыхательницей.

– Так что будем вести себя примерно, – улыбнулась Валерия, – чтобы никто ничего не узнал...

– О чем не узнал? – разъярилась Лола.

– О том, что мы с вами проводим время вместе, – с наглой улыбкой сообщила мерзкая тетка.

Лола даже задохнулась от негодования и поглядела Валерии прямо в глаза, отведя ее руку от своего лица. Вот как раз теткой-то ее и нельзя было назвать, против воли признала Лола. Валерия была очень даже не первой молодости, но холеной, ухоженной дамой. От нее веяло давним и устойчивым богатством, о котором говорили и уверенные интонации в голосе, и дорогой черный костюм безупречного покроя, и та самая антикварная брошка-змея с бриллиантами и изумрудами, которую Лола имела глупость похвалить при их прошлом разговоре.

Валерия усмехнулась и перевела взгляд с Лолиного лица на распахнутый вырез халатика. Лола сняла театральный костюм, но еще не успела переодеться. Против воли Лола нервно запахнула халатик, чем вызвала еще одну усмешку на губах своей посетительницы.

– Ну же, дорогая, не будьте букой! – призвала Валерия. – Улыбнитесь, вам так идет улыбка!

«Черт бы тебя побрал, ведьму старую!» – подумала Лола, а вслух сказала:

– Извините меня, Валерия Борисовна, уже поздно, я очень спешу. Так что приятно было побеседовать, – она перевела красноречивый взгляд на дверь.

– И куда же вы так спешите? – рассмеялась Валерия. – К своему мифическому любовнику? Полно, девочка, меня вы не обманете! У вас никого нет!

– С чего вы взяли? – агрессивно начала Лола.

– От вас не пахнет любовью, – спокойно ответила Валерия.

– А чем же от меня пахнет? – спросила обозленная Лола.

– Дорогая моя, от вас пахнет одиночеством! – заявила настырная гостья. – Унылым одиночеством и тоской. О вас никто не заботится, никто не выбирает для вас подарки с нежностью и волнением, никто не оберегает ваш сон, ничье имя не произносите вы утром, перед тем, как проснуться...

Лола внезапно ощутила острый прилив жалости к себе. Действительно, Валерия права, у нее сейчас никого нет, и никто ее не любит, кроме Пу И, да и тот норовит переметнуться к Маркизу.

– Очнитесь, дорогая, от печальных дум, – продолжала Валерия вполголоса, – поедem куда-нибудь поужинать, развлечемcя! Либо же можем поужинать у меня дома... послушаем музыку, посмотрите мою коллекцию драгоценностей... выберете себе сами что-нибудь в подарок...

– А потом? – медленно произнесла Лола, хотя понимала, что спрашивать так прямо не стоит.

– Ну, дорогая, потом вы сами все решите! – Валерия небрежно махнула рукой, как бы не сомневаясь в успехе...

Лола мысленно возблагодарила Маркиза за то, что он не успел достать ей пистолет, иначе она бы убила Валерию на месте. Она резко повернулась и скрылась за висевшими в углу комнаты театральными костюмами, чтобы через две минуты появиться перед Валерией полностью одетой.

– Благодарю вас за приглашение, – сказала она сквозь зубы, – но ничего не получится. Я занята – и сейчас, и всегда! – она ожгла Валерию взглядом темных глаз, и та поняла, что не стоит настаивать.

– Мы еще поговорим на эту тему... – она с достоинством приняла отказ.

– Вряд ли! – буркнула Лола и выскочила в коридор. – Старая вешалка! – пробормотала она. – Чтоб тебя черти побрали!

– Привет! – раздался писклявый голос Лизки Штукиной. – А ты разве не ушла?

– Тебе какое дело! – буркнула Лола и бегом побежала к выходу.

Сволочь Лизка, как всегда, подслушивала, теперь сплетни расцветут в театре с новой силой.

Леня отвел взгляд от экрана монитора и огляделся. Куда бы сам он спрятал такой важный документ, или опасный предмет, попавший ему в руки?

В это время к нему на колени вскочил Аскольд. Огромный котяра отличался суровым, независимым, истинно мужским характером и редко снисходил до примитивной кошачьей ласки, поэтому Леня особенно ценил такие редкие порывы. Он ласково почесал Аскольда за ухом, и кот в ответ на это выразительно, басисто мурлыкнул и потерся о плечо хозяина пушистой щекой.

– Что, брат, и настоящим мужчинам хочется иногда простого человеческого тепла? – расчувствовался Маркиз.

Аскольд утвердительно заурчал.

Со стороны кухни послышался какой-то подозрительный шум, но кот замурлыкал еще громче, и Леня не обратил внимания на эти загадочные звуки. Он запустил пальцы в густую кошачью шерсть и погрузился в воспоминания.

Леня вспоминал своего старинного друга, которому обязан был очень многим в своей жизни. Именно в память о нем Леня назвал кота Аскольдом. Старика давно уже не было в живых, он умер, можно сказать, у Маркиза на руках, и Лене иногда казалось, что душа старого благородного мошенника, знатока хороших вин и блестящего бильярдиста переселилась в

этого кота, настоящего джентльмена в изысканном черно-белом наряде... Иногда Леня встречался с котом глазами, и ему становилось не по себе оттого, насколько взгляд Аскольда был человеческим, пронизательным и ироничным.

Вот и сейчас кот насмешливо взглянул на расчувствовавшегося хозяина, как будто прочитав его мысли, и, соскочив с колен, неторопливо удалился на кухню.

Вспомнив своего старого друга, Маркиз подумал, что очень давно не играл в бильярд, а покойный Аскольд считал, что эта игра полезна для точности глазомера и твердости рук, и советовал Лене играть не реже раза в неделю...

Дверь комнаты приоткрылась, и на пороге появилась Лола.

– Ленечка, – проговорила она с давно забытой ласковой интонацией, – пойдем, посидим немножко, чаю выпьем... я пирожных купила...

«Что-то они все сегодня подозрительно ласковые, – подумал Маркиз, – и кот на колени пришел, и Лола теперь...»

Он поднялся из-за компьютера и направился вместе с Лолой на кухню.

Однако с чаепитием ничего не вышло.

На пороге кухни Лола и Маркиз замерли в растерянности.

На полу валялась раскрытая коробка из-под пирожных, над которой на бреющем полете летал попугай, периодически снижаясь, чтобы ловко подобрать аппетитную слоеную крошку. Малыш Пу И хрустел в углу ореховой корзиночкой, а внушительный, как всегда, Аскольд с видом пожилого университетского профессора на пикнике выедал взбитые сливки из заварной булочки.

При виде хозяев вся эта криминальная троица воровато переглянулась и приготовилась немедленно дать деру.

– Ах вы, ворюги несчастные! – Леня угрожающе потянулся за шваброй, и трусоватый Пу И тут же смылся за холодильник. Невозмутимый Аскольд недоверчиво покосился на швабру в руках хозяина и на всякий случай принял положение, известное в спорте как «низкий старт», но пока с места не тронулся.

– Ну надо же! – расстроилась Лола. – Попили чаю! А я так старалась, пирожные выбирала...

– Вот, оказывается, в чем дело! – неожиданно прозрел Маркиз. – А я-то удивился, что кот в кои-то веки сам пришел ко мне на колени, приласкался, мурлыкал, как полагается... в общем, по полной программе работал котом! А это он, оказывается, отвлекал меня, пока Пу И с попугаем на кухне проворачивали операцию под кодовым названием «Пирожные»! А как только дело дошло до дележки, тут же ушел... Ну, хитры, ничего не скажешь! А я-то расчувствовался, как последний дурак... Признавайся, Лолка, ты небось тоже не просто так меня окучивала? Тоже от чего-нибудь хотела отвлечь?

– Нет, Ленечка, честное слово, я без всякой задней мысли! – жалобно прошептала Лола. – Ну, хотела просто немножко на жизнь пожаловаться...

– Пожаловаться? – удивился Маркиз. – У тебя же вроде все отлично! Роли, цветы, поклонники – о чем еще мечтать?

– Валерия достала! – простонала девушка. – Ну просто не дает прохода! В гримерную прется, в коридоре поймала, к стенке прижала, дышит в ухо, зараза, чуть не раздевает прямо в театре!

Леня слушал подругу вполуха. Ему неожиданно пришла в голову мысль, на которую натолкнула блестящая операция, проведенная вороватыми животными, и особенно то, как ловко отвлек Аскольд его внимание...

– Так бы и убила стерву приставучую! – продолжала Лола свои жалобы.

– Ну, убивать – это чересчур, – остановил он подругу, пообещав себе позднее додумать свою мысль, – бедная женщина не виновата, что так запала на твою неземную красоту. Если ты будешь убивать всех поклонников...

– Поклонников не буду, – мгновенно отреагировала Лола, – а она вяжется! Противно же, в конце концов!

– Ладно, я что-нибудь придумаю. Ты мне лучше вот что скажи: если бы здесь начался пожар, что бы ты стала спасать в первую очередь?

– Пу И, конечно, – ответила Лола, ни на секунду не задумавшись, и тут же крикнула за холодильник: – Пуишечка, детка, выходи, Леня больше не сердится!

Из-за холодильника показался вороватый блестящий глаз, а потом и вся шkodная морда. Пу И огляделся, но решил еще немного выждать, пока Леня не успокоится, и снова исчез за холодильником.

– Ну, животные – это понятно, – Леня покосился на Аскольда, который почувствовал, что гроза миновала, и вернулся к прерванному занятию, поудобнее повернув заварную булочку и углубившись в сливки.

– Животные – это, конечно, святое. Но вот если, допустим, у тебя дома спрятаны какие-то очень важные и опасные бумаги, и ты видишь, что начинается пожар – что бы ты стала делать?

– Ну, начать с того, что я ни в коем случае не стала бы прятать важные бумаги у себя в квартире. Я спрятала бы их в каком-нибудь совершенно другом месте, о котором никто не подумает...

– Ну, например?

– Ну, например, в театре, в будке суфлера... хотя нет, про театр тоже быстро догадываются... Леня, ты все-таки опять влез в какую-то авантюру?

– Никуда я не влез! И вообще, это тебя не касается! Я ведь ничего не говорю по поводу твоего увлечения театром!

– Сравнил! – Лола всерьез обиделась. – Театр и мошенничество! Театр – это святое, ты на это не замахивайся!

– Да ни на что я не замахиваюсь! – обиженно скривился Маркиз. – Ну так все же – куда бы ты спрятала такие бумаги?

– Ну, в театр действительно нельзя, – снова задумалась Лола, – тогда, наверное, я отвезла бы эти бумаги в какую-нибудь глухую деревню...

В глухую деревню. Леня задумался. Фирма Аветисова занималась ликвидацией сомнительных предприятий. Для ликвидации сомнительных предприятий используют тихих деревенских алкоголиков. Тихих алкоголиков, скромно пропивающих свои заработки в какой-нибудь глухой деревне...

– Умница, Лола! – он поцеловал девушку в щеку. – Ты мне очень помогла! Я сейчас сам сбегаю в магазин и куплю еще пирожных!

– Только чур из Метрополя, – бросила ему вслед практичная Лола, – эклер, наполеон и миндальные трубочки. И обязательно возьми орехового печенья, ты ведь знаешь, как Пу И его обожает!

Из-за шкафа снова показался круглый любопытный глаз: услышав про ореховое печенье, Пу И не смог сохранить спокойствие.

– Какое печенье! – возмущенно откликнулся Леня от самой двери. – Он ведь только что съел целое пирожное! Ты совершенно не заботишься о здоровье собаки! У Пу И будут проблемы с печенью!

– Значит, так, Лола, – решительно начал Леня, усевшись за стол и заперев предварительно весь их с Лолой небольшой домашний зоопарк в комнате, – заявляю тебе совершенно офици-

ально и окончательно: если ты мне не поможешь в операции с Аветисовым, то не жди, что я избавлю тебя от домогательств вашей чрезмерно любвеобильной дамы – как там ее фамилия?

– Кликунец, – угрюмо сообщила Лола, мысленно она уже смирилась в том, что Ленька втянет ее в свои делишки, хотя вовсе не была уверена, что он поможет ей в сложной ситуации с Валерией.

Нет, он, конечно, попытается, но что он может сделать? Запугать старую вешалку, пристыдить? Вряд ли это поможет.

– Ладно уж, что я должна сделать? – вздохнула Лола. – Только учти: горничной к какому-нибудь богатому козлу наниматься больше не стану! И беременную идиотку изображать не хочу!

– А кого хочешь? – как ни в чем не бывало поинтересовался Маркиз. – Даму из высшего общества?

– Тоже надоело!

– Это потому, что ты слишком много играешь в театре, – наставительно начал Маркиз, – привыкла на сцене лицедействовать... Так ведь там совсем другое дело, там если зрители не поверят, ну, меньше похлопают и пойдут себе домой. В жизни же халтурить нельзя, слишком многое зависит от твоей игры. Так что боюсь, девочка, ты там в своем театре малость дисквалифицировалась.

– Что? – тотчас завопила Лола, заведясь с полоборота, на что Леня в сущности и рассчитывал. – Это я дисквалифицировалась? А зачем же ты вообще ко мне обращаешься за помощью, если я тебя не устраиваю?

– По старой памяти, – вздохнул Леня, – и потом, у меня пока больше никого нет на примете.

– Ленька, ты хитришь! – рассмеялась Лола.

После двух съеденных пирожных настроение ее значительно улучшилось, все неприятности казались преодолимыми.

– А ты все время капризничаешь! – ответил Леня. – Знаешь, я, конечно, виноват перед тобой за тот случай с Татьяной...

Лола вспомнила, каким отвратительным был Ленька, когда два месяца назад влюбился в ту худосочную воблу, в хитрую крокодилицу, арифмометр на кривых ножках! Он просто не желал ничего слушать, ослеп и оглох! Словом, своим поведением Ленька полностью оправдывал пословицу «любовь зла...» Конечно, у Лолы тоже бывали минуты увлечений, но не до такой же степени!

– Я, конечно, виноват, но мне надоело все время искупать свою вину, – твердо сказал Маркиз, – так что или мы работаем, как раньше, или действительно мне придется искать другую партнершу.

Как уже говорилось, Лола всегда умела вовремя остановиться. Кроме того, она была привязана к Маркизу и вовсе не хотела с ним расставаться.

– Но театр я не брошу, – упрямо возразила она, уже сдаваясь.

– Пока я на этом не настаиваю, – кротко ответил Маркиз.

Лола предпочла не уточнять, что значит это «пока».

– Значит, завтра идешь в фирму Аветисова и любым возможным способом выясняешь имена и адреса алкоголиков, паспортными данными которых эта фирма пользуется для своей работы. Думаю, что их немного – два-три...

– Ну и зачем тебе их паспортные данные?

Лоле очень не хотелось тащиться в офис к какому-то Аветисову и завязывать дружеские отношения с его секретаршей.

– Затем, что живет такой тип в глухой деревне, и Аветисов по долгу службы, так сказать, периодически его навещает. Отчего бы и не спрятать важные для него документы в медвежьем

углу? Разумеется, на хранение этому алкоголику он документы отдавать не станет – на таких людей рассчитывать не приходится, они уже все мозги пропили. Но просто так спрятать где-нибудь в сарае... Лола! Я знаю, что гипотеза моя хромает на обе ноги! – заявил Леня, заметив, что Лола скорчила скептическую гримасу. – Но мне больше ничего не приходит в голову, может, это я дисквалифицировался тут с этим зоопарком и домашним хозяйством? – Леня повесил голову.

– Глупости! – тут же опомнилась Лола. – Все будет хорошо, у нас все получится! Если этот вариант окажется проигрышным, ты придумаешь что-нибудь еще! Где-то же он прячет эту проклятую папку? Кстати, а ты не знаешь, что в ней может быть такое? Чем шантажируют твоего нанимателя?

– Пока нет, но обязательно узнаю, хоть он и будет против. Ты же знаешь, я не люблю работать вслепую.

Фирма Аветисова располагалась в довольно непрезентабельном здании, напомнимшем Лоле среднюю школу. При ближайшем рассмотрении так оно и оказалось, над крыльцом явно виднелся след школьной вывески. Лола потянула на себя тяжелую дверь и узрела перед собой типичный школьный вестибюль – слева лестница, справа раздевалка, отгороженная сеткой, как в зоопарке, у входа в раздевалку – место для гардеробщицы. Не обнаружив в вестибюле ни одной живой души, кроме пушистого рыжего кота, поглядевшего на Лолу равнодушно-презрительно, она поднялась по лестнице на второй этаж. Судя по тишине, стоявшей в здании, и отсутствию вывески, школа не работала – переехала или вообще ее закрыли. Очевидно, здание так и осталось на балансе у РОНО или еще какой-нибудь государственной организации, никто из бизнесменов на него не позарился, и чтобы выкачать хоть какие-то деньги, администрация решила сдавать его под разнообразные офисы, а поскольку денег на то, чтобы привести здание бывшей школы, над которым хорошо потрудились не одно поколение физически развитых деток, в порядок, не было, то ни одна приличная фирма не решилась снять там офисное помещение.

Лола поняла, что фирма Аветисова не больно-то процветает, возможно, это облегчит ее задачу. Однако в коридоре второго этажа ее ждало разочарование. Дверь с лестницы была новая, железная, на двери – кодовый замок и обыкновенный электрический звонок. Лола потопталась немного и наконец решилась позвонить. Дверь открыл немолодой, но бодрый и подтянутый, наголо бритый мужчина, от которого просто за версту несло армией и военноморским флотом. Бравый отставник, а ныне – охранник, спросил Лолу, подозрительно оглядывая ее с ног до головы:

– Вы к кому это пожаловали?

– Я ищу фирму «Алиби», – честно ответила Лола.

Название фирмы Аветисова звучало весьма двусмысленно, очевидно, охраннику оно тоже не слишком нравилось.

– Это не к нам, – буркнул он, – у нас тут акционерное кредитное общество «Жизнь взаимны» и издательство научно-популярного журнала «Безопасный секс». На третьем этаже посмотрите.

Лола успела еще разглядеть за широкой спиной охранника длинный коридор, отделанный в сдержанных серых тонах – серебристые стены и ковровое покрытие на полу цвета мокрого асфальта, как дверь перед ее носом захлопнулась. Лола пожала плечами и поднялась на третий этаж.

Там не было железной двери, коридор был совершенно пуст и довольно грязен. Линолеум вытерся кое-где до дыр, стены в подтеках, двери выходящих в коридор бывших классов ободраны. В коридоре не было ни души. Стояла такая тишина, что хотелось аукнуть, как в лесу. Лола подергала двери, все они оказались запертыми. Коридор перешел в небольшой холл – в

таких обычно девочки прогуливаются на переменах парами, а мальчишки толкают их и дергают за косички. Из холла выходил еще один маленький коридорчик, и вот там Лола заметила довольно чистую, недавно выкрашенную дверь, на которой висела обнадеживающая табличка: «Фирма «Алиби».

«Ну, наконец-то! – облегченно вздохнула Лола. – Ишь как замаскировались, сразу видно, что бизнес у них нечестный».

Она с опаской подергала дверь, та легко распахнулась, и Лола вошла в офис.

Очевидно, фирма Аветисова все же приносила какой-то доход, потому что в помещении наблюдалась относительная чистота и порядок. Серый, советский еще линолеум на полу был прикрыт недорогим ковром, у стены два довольно новых шкафа для бумаг, у другой стены – диван для посетителей, обитый потертой кожей, явно реквизированный из бывшей учительской. В углу комнаты была еще одна дверь, очевидно, в кабинет директора, а возле этой двери за столом сидела секретарша. Если раньше, идя в фирму, Лола рассчитывала завязать мимолетные, ни к чему не обязывающие дружеские отношения с секретаршей, то взглянув на то, что сидело за столом, Лола эту мысль мгновенно отбросила.

Худая очкастая гримза, коротко стриженная, с выдающимися передними зубами, крупными как рояльные клавиши, совершенно не вызвала желания дружески общаться. Это бы ладно, Лола ради дела готова была переступить через собственные амбиции и симпатии, но что-то подсказывало ей, что девица не из тех, кто раскрывает душу первому встречному. Кстати, девицей эту личность, что сидела за столом, можно было назвать только, так сказать, в физиологическом смысле, потому что на вид ей было не меньше тридцати пяти, впрочем, Лола признавала, что в данном вопросе может ошибаться – уж очень худа и мосласта была секретарша Аветисова.

– Что вы хотите? – спросила гримза, оторвавшись от компьютера.

– Здравствуйте, – улыбнулась Лола, чтобы протянуть время.

Гримза окинула ее нелюбезным, хотя и внимательным взглядом. На Лоле была вполне приличная дубленка с капюшоном, довольно дорогие австрийские сапоги. Если бы в руках у нее имелась огромная неподъемная торба, то секретарша хоть и с трудом, но могла заподозрить, что Лола – коробейник, и хочет что-то продать. Но в руках у Лолы была только элегантная маленькая сумочка.

– Мне к директору, – решительно заявила Лола и без приглашения направилась к дивану.

– По какому вопросу? – опешила секретарша. – Вам назначено?

– Мы с ним договаривались по телефону. Но если у него посетитель, я подожду, – кротко предложила Лола и даже расстегнула дубленку.

– Как ваша фамилия? – не отставала гримза, а Лола, прислушиваясь, уловила голоса за стенкой в кабинете директора – очевидно, у Аветисова кто-то был.

– Так как ваша фамилия? У меня все записано...

– Иванова, моя фамилия Иванова, – заторопилась Лола, расслышав, как в кабинете задвигались стулья – встречаться с Аветисовым не входило в ее планы, – мы с Ильей Степановичем разговаривали вчера по телефону...

– Какой Илья Степаныч! – возопила гримза. – Дама, вы куда пришли?

– Как, разве это не фирма «Анкор»? – изумленно спросила Лола.

– Это фирма «Алиби», – недовольно буркнула гримза, – и директора зовут вовсе не Илья Степаныч.

– И вы не торгуете вытяжными вентиляторами и массажными насадками для душа? – упавшим голосом сказала Лола, подходя к столу.

– Нет! – последовал нелюбезный ответ. – Ничем мы не торгуем! У нас совершенно другой профиль!

– А где же офис «Анкора»? – очень убедительно расстроилась Лола, но гримза только пожала плечами.

Лола вышла из офиса, и очень вовремя, потому что почти сразу же после ее ухода раскрылась дверь кабинета и показался Аветисов и его посетитель. Директор дал своей гримзе руководящие указания и удалился в сопровождении клиента – мордатого молодого мужика, глядя на которого сразу можно было понять, что он хронически уклоняется от налогов, оттого и закрывает прежнюю фирму.

Лола шмыгнула в коридор впереди них, но мужчины, увлеченные разговором, ее не заметили. На этаже снова установилась мертвая тишина.

Лола прогулялась до холла, там никого не было. Тогда она пошла в противоположную от офиса фирмы сторону, ведомая недвусмысленным запахом, который издают все без исключения школьные туалеты, Лола хорошо помнила этот запах с детства. Так и есть, вот он туалет в тупичке, на нем нарисован стилизованный силуэт девочки.

Лола вошла – туалет как туалет, кафель, бывший когда-то, в прошлой жизни, белым, ржавая раковина. Сразу при входе был стенной шкаф, запертый на амбарный замок. Лола открыла замок пилочкой для ногтей и обнаружила там ведро, синий сатиновый халат, тряпки и пару желтых резиновых перчаток. Она сняла дубленку и сапоги, надела халат и обрезанные галоши, которые тоже отыскились в углу шкафа, после чего повязала голову собственным шарфом и нацепила еще большие очки с простыми стеклами, которые на всякий случай всегда носила в сумочке. Потом она налила в ведро воды, надела перчатки и вышла в холл.

В холле, как уже говорилось, имелось четыре больших окна, не мытых, наверное, с самого закрытия школы. Еще бы, ведь теперь не было многострадальных родителей, на которых вешают эту обязанность во всех школах. Лола намочила тряпку и принялась неторопливо и вдумчиво протирать подоконник.

Расчет ее был прост. Рано или поздно гримза из «Алиби» отправится в туалет. У нее на столе Лола заметила пачку «Парламента», а в туалете стояла консервная банка, доверху заполненная такими же окурками. Сколько выдержит заядлый курильщик без сигареты? Максимум час, а то и меньше. Стало быть, нужно как можно медленнее протирать подоконники.

Лоле не пришлось ждать долго. Минут через пятнадцать дверь офиса открылась и появилась гримза-секретарша. Краем глаза Лола заметила, что она заперла офис и направилась через холл к туалету. Лола усиленно задвигала тряпкой, боясь, если гримзе приспичит что-то спросить, выдать себя голосом. Вдруг у этой чувырлы хорошо развита наблюдательность и отличная память на голоса? Принимая во внимание ее внешность, такое очень даже может быть, за что-то же ее держит шеф на работе?

Но Лола напрасно беспокоилась, гримза не обратила на нее ни малейшего внимания, да и кто замечает уборщицу?

Секретарша прочапала мимо Лолы, потом простучала каблуками по коридору и скрылась в туалете. Лола не стала мешкать и потихоньку двинулась следом. Галоши не давали ступать бесшумно, пришлось снять их у самой двери.

Очень осторожно Лола приоткрыла дверь туалета и заглянула внутрь. Там никого не было, но из одной кабинки раздавалась характерная возня.

«Не торопись, родная, – усмехнулась Лола, – тебе там еще долго сидеть, все успеешь...»

Одним прыжком она подскочила к дверце и засунула за ручку палку от швабры. Швабра тоже отыскилась в шкафчике уборщицы.

Гримза в кабинке ничего не заметила, она занималась своим делом. Лола бросила в шкаф галоши и халат, прихватила свои вещи и бегом помчалась к офису фирмы «Алиби». Замок, конечно, нельзя было открыть пилочкой для ногтей, но у Лолы в сумочке лежала отмычка – самая простая, Леня говорил, что ей и такой хватит, а уж если встретится замок посложнее, то нужно звать специалиста, то есть его. Отмычка оказалась на высоте. А может, это Лола оказа-

лась на высоте, но дверь открылась, и Лола проникла в офис. Сам офис ее совершенно не интересовал, ее интересовал только компьютер, который призывно мигал на столе у секретарши.

Лола быстренько пробежалась по файлам. Директор Аветисов, как видно, умел подбирать персонал, потому что у его гримзы дела были в полном порядке. А вот и список последних заказов. Так-так, это уже интересно.

Некий господин Якобсон, владелец фирмы «Катран», продал свою фирму господину Растудыкину В.В.

Лола взглянула в конец договора и улыбнулась: Василий Васильевич Растудыкин живет в деревне Запечье Волосовского района Ленинградской области.

Запомним!

Далее, господин Алафернов опять-таки продал свою фирму под названием «Электра» тому же Растудыкину В.В., проживающему, как не трудно догадаться, в деревне Запечье, и так далее.

Лола просмотрела последний файл. Каково же было ее удивление, когда оказалось, что владелец фирмы «Семенов и сын» господин Семенов также продал свою фирму все тому же Растудыкину В.В.

Похоже было на то, что таинственный В.В. Растудыкин, проживающий в деревне Запечье, прибирает к рукам весь малый бизнес в городе, и скоро мы увидим появление еще одного олигарха.

«Нет, ну какая же наглость со стороны этого Аветисова! – возмутилась Лола. – Ну хоть бы трех – четырех нашел подставных алкоголиков или уж двух! А то на все про все у него один и тот же Растудыкин! Просто-таки душа горит позвонить в налоговую полицию. Рука сама к трубке тянется! Но нельзя. Во-первых, у меня другой профиль, а во-вторых, в нашем деле еще не хватало налоговиков!»

Она быстро списала все данные владельца заводов, газет, пароходов Василия Растудыкина на листочек и выскочила из офиса. Дверь сама захлопнулась за ней, и Лола припустила по лестнице, от души надеясь, что кто-нибудь зайдет в туалет и выпустит оттуда гримзу секретаршу до конца рабочего дня.

Леня подключил к своему телефону «антиаон» – прибор, не позволяющий автоматически определить номер позвонившего абонента, на трубку надел насадку-модификатор, неузнаваемо меняющую голос. Он подумал, что в его работе без современной электроники нельзя и шагу ступить, но все-таки есть и неизменные, вечные ценности – умение внушить доверие, наблюдательность, ловкость рук, наконец.

Подготовив аппаратуру, он набрал домашний номер Аветисова.

Николай Афанасьевич Аветисов снял трубку и услышал странный механический голос, лишенный человеческой выразительности, холодный, звенящий. Невозможно даже понять, мужской или женский.

– Я звоню по поводу известной тебе папки.

– Какой папки? Кто это говорит?

– Ты знаешь, кто это говорит, – в механическом голосе, несмотря на его невыразительность, появились издевательские нотки, – и прекрасно знаешь, какую папку я имею в виду.

– Я ничего не знаю! – на какую-то ничтожную долю секунды у Аветисова потемнело в глазах.

– Ты все прекрасно понимаешь. Ты пытался мне угрожать, но это в прошлом. У тебя больше нет папки.

– Что?! – Аветисов похолодел.

– Что слышал. Тебе что-нибудь говорит фамилия Растудыкин? Василий Васильевич Растудыкин? А деревня Запечье Ленинградской области тебе знакома?

После этих слов в трубке раздался холодный механический смех, напомнивший Аветисову культовый фильм шестидесятых годов «Фантомас», сменившийся короткими гудками отбоя.

Леня отставил телефон и повернулся к своей напарнице.

– Это был выстрел наудачу. Если я ошибся и Аветисов прятал папку в другом месте, придется начинать все сначала. Но если папка спрятана действительно в этой забытой богом деревне, он сейчас же бросится проверять ее. И обязательно перепрычет – ведь раз мы узнали про Растудыкина, место перестало быть надежным. Хорошо, что в эту чертову деревню ведет одна-единственная дорога.

По просьбе Маркиза его приятель Ухо дежурил у парадной, где жил Аветисов. Через некоторое время он сообщил, что объект выехал из дома.

Операция «Запечье» вошла в свою решающую стадию.

Лола сосредоточенно потрудила над своим образом. Театральный опыт не пропал даром, и через час из зеркала на нее смотрела разбитная деревенская деваха с веселым блудливым взглядом и румянцем во всю щеку. Традиционный теплый полушерстяной платок в невымыслимо ярких цветах и длинный фиолетовый китайский пуховик окончательно довершили образ.

Леня переоделся в свой «театральный» костюм, и они выехали на место проведения операции.

Маркиз высадил Лолу на дороге, вытащил из багажника мешок и поехал ближе к городу, где спрятал машину в кустах и устроил засаду. От Уха, сопровождавшего автомобиль Аветисова, поступили сведения, что объект вырулил на проселок, ведущий к деревне Запечье.

Если бы дело происходило весной или осенью, то для того, чтобы посетить деревню Запечье, Аветисову понадобился бы гусеничный трактор, потому что по такой грязи даже джип не пройдет. Но сейчас был конец февраля, сильной метели не наблюдалось примерно с неделю, так что местные успели утоптать дорогу.

Лола уселась на свой мешок и приготовилась к длительному ожиданию.

Дорога была не очень оживленной – за час по ней проехали две-три машины. Один из проезжавших водителей остановился возле симпатичной молодки и предложил подвезти ее до города.

– Ой, дяденька, – затараторила Лола, изображая деревенскую простушку, – я Ваську жду, скоро Васька с Тоськой здесь поедут, я с ними договоривши, они меня забрать обещавши, так что я уж их буду дожидаться...

– Ну, как хочешь, – водитель махнул рукой и уехал.

Лола здорово замерзла. Несмотря на три свитера, которые она надела под пуховик, чтобы казаться толще, холод пробрался к ее телу. Она последними словами ругала Маркиза с его завиральными идеями и уже решила плюнуть на операцию, остановить первую машину, которая поедет в сторону города, и уехать с этой проклятой дороги. Единственным, о чем она сейчас мечтала, была горячая ванна.

Вдали показалась направляющаяся к городу машина.

Лола выскочила на середину дороги и замахала руками. Водитель затормозил – на узкой дороге Лола в необъятном пуховике и ее огромный мешок представляли серьезное препятствие.

Лола бросила взгляд на машину, прочитала ее номера и облегченно вздохнула – это была «Тойота» Аветисова.

– Ну, чего тебе, чего тебе надо? – недовольно пробурчал средних лет мужчина, выглянув в окошко машины.

– Дяденька, мне бы до города, как бы мне до города добраться, до города меня не подвезешь? А я заплачу, я разве не понимаю, бензин же он дорог, он же ой как подорожавши, это же

страшное дело! – тараторила Лола, надвигаясь на водителя удачно выпирающим из пуховика бюстом.

Аветисов поморщился: ему явно не хотелось сажать в свою чистую, аккуратную машину деревенскую девку с ее мешком, которая явно наследит в салоне, напачкает, натащит мокрого снега...

А Лола не унималась:

– Дяденька, я тут на дороге уж который час торчу, вся уж перемерзла, вся окоченела, еще немножко и вовсе заболую, а у меня в мешке кабанчик, в город его надо, такой кабанчик жирненький, прямо объедение, а никто по дороге-то не едет, а я уж так замерзла, так замерзла, мочи нет! Ну подвези до города, а я тебе заплачу!

Румяные щеки девахи внушали сомнение в том, что она находится на грани замерзания, но мешок удачно перегородил проезжую часть, а сама красотка навалилась на крыло машины и не думала сдаваться...

Аветисов тяжело вздохнул и решил смириться с запачканным салоном, лишь бы скорее добраться до города.

– Ладно, черт с тобой, садись!

Он выбрался из машины и открыл багажник. Лола ловко подхватила мешок и как пушинку забросила его внутрь, при этом внимательным наметанным взглядом окинула содержимое багажника и убедилась, что там нет ничего, кроме запасного колеса. Затем она взгромодилась на переднее сиденье рядом с водителем, устроилась поудобнее и посыпала словами:

– Такой кабанчик, это же уму непостижимо! Умный, прямо как депутат какой! Ежели где лежит что съедобное – так обязательно исхитрится и сопрет! Ну чисто депутат! Как его резали – так я прямо плакала, прямо даже слезами заливалась, так жалко! До чего умный, прямо уму непостижимо, я и думать не думала, что такие умные кабанчики бывают! А ел сколько – это страшное дело! Говорю же – чисто депутат!

Аветисов недовольно покосился на разговорчивую попутчицу: так ведь и будет молоть языком до самого города!

– Ты бы вздремнула, родная! – посоветовал он не без задней мысли. – Устала, небось, кабанчика своего тащить! Да и на морозе сколько простояла...

– Своя ноша не тянет! – выдала Лола свежую философскую сентенцию. – Не волнуйся, дяденька, мы привычные! Да и кабанчик-то, он разве ж тяжелый? Он вовсе не тяжелый! В нем и центнера-то нету! Килограмм восемьдесят, не больше. Ну, может, девяносто – как вот ты примерно... А я ведь знаю, когда за рулем, всегда в сон клонит, вот и надо разговором отвлекать, чтоб не клонило. Мне и Васька, свояк мой, Тоськин муж, когда я с ним еду, завсегда говорит: «Ты, Нюрка, мне чего-нибудь бухти, а то я засну, и мы в канаву сверзимся, а так ты чего-нибудь мелешь, я и не засну...»

Аветисов сжал зубы. Глухое раздражение от непрерывной болтовни деревенской балаболки нарастало, как мучительная зубная боль, и грозило выплеснуться вспышкой непредсказуемой ярости.

И в тот момент, когда он уже собрался наорать на пассажирку, впереди на дороге появилась коренастая фигура гаишника в черном форменном полушубке.

Гаишник вышел на середину дороги и сделал подъезжающей иномарке знак остановиться и съехать на обочину.

«Ну как не задался день, так всю дорогу будут сплошные неприятности! – подумал Аветисов, доставая из кармана права, – То баба эта болтливая подседа, то теперь гаишник остановил... ну чего ему надо, барану эфиопскому?»

Гаишник подошел к «Тойоте» со стороны водителя, лениво изобразил рукой уставное приветствие и протянул гнусавым простуженным голосом:

– Сержант Снегиренко. Ваши права, пожалуйста.

Аветисов протянул свои права, отметив, что сержант довольно симпатичный, только внешность у него какая-то совершенно невзрачная, не запоминающаяся. И немного староват он, пожалуй, для сержанта – лет тридцать с небольшим, можно бы уже и до старшины дослужиться.

Сержант внимательно ознакомился с правами, сравнил фотографию на документе с оригиналом и, спрятав права в карман полушубка, проговорил:

– И документики на машину попрошу.

Аветисов с тяжелым вздохом протянул гаишнику документы. Тот долго и тупо их разглядывал и наконец выдал своим гнусавым голосом:

– Попрошу вас, Николай Афанасьевич, выйти из машины.

– А что такое? – проговорил Аветисов с тоскливой злостью. – В чем дело? Разве у меня что-то не в порядке с документами?

– Я ничего такого не сказал, я вас только попросил выйти из машины, – невозмутимо повторил сержант.

– А, может быть, мы с вами договоримся по-хорошему? – вполголоса проговорил Аветисов, заговорщически подмигнув гаишнику и покосившись на деревенскую деваху, с глупым видом таращившуюся на дорогу.

– Это вы что – собираетесь мне взятку предложить? – воскликнул сержант в праведном негодовании. – Мне, сотруднику ГИБДД, находящемуся при исполнении обязанностей? Да я сейчас... Да я вас... Да я немедленно... – и бравый страж порядка потянулся к черной кожаной кобуре.

– Нет-нет, вы меня не так поняли! – испугался Аветисов и торопливо вылез из машины. – Я ничего такого... я вовсе ничего не предлагал...

Неожиданная реакция гаишника всерьез испугала его. Прежде все конфликты с доблестными стражами правопорядка запросто утрясались при помощи одной-двух хрустящих купюр, и проблем не возникало, но этот сержант вел себя так странно... И они были одни на этой пустынной зимней дороге, если не считать болтливую дуреху в машине...

Николай Афанасьевич почувствовал, что у него действительно могут быть колоссальные неприятности. Сержант явно не в духе, и с него станет на самом деле обвинить его в даче взятки и в чем-нибудь еще похуже...

– Вы меня не поняли... – повторил он заискивающим тоном.

– То-то! – гаишник, видимо, успокоился и, обойдя машину, поманил к себе пальцем. – Багажник откройте, пожалуйста!

Николай Афанасьевич торопливо распахнул багажник и предъявил несговорчивому стражу порядка его содержимое.

– Это что такое? – радостным голосом, в котором звучало предчувствие раскрытия правонарушения, осведомился сержант.

– Это – колесо запасное... – промямлил Аветисов, пытаясь оттянуть время.

– Я вас не про запасное колесо спрашиваю! – голос сержанта набрал грозную начальственную мощь и даже перестал звучать гнусаво и простуженно. – Я вас спрашиваю про содержимое вот этого мешка! – и он указал пальцем на огромный мешок болтливой деревенской дуры.

– Я про этот мешок ничего не знаю! – с истерическим испугом воскликнул Николай Афанасьевич. – Этот мешок не мой!

– Да, конечно, это я вам его подкинул! – сарказм в голосе сержанта был такой густой, что ложка в нем стояла.

– Нет, я не это хотел сказать... Мне никто его не подбрасывал...

– А если никто не подбрасывал, тогда немедленно его развяжите и предъявите содержимое для досмотра!

Как только Николай Афанасьевич вышел из машины и включился в оживленную дискуссию с «инспектором ГАИ», Лола сбросила маску деревенской растелепы и в бешеном темпе начала обыскивать машину. Первым делом она проверила бардачок, но там, как и следовало ожидать, не оказалось ничего особенно интересного – карта Петербурга, карта автомобильных дорог Ленобласти, пачка «Данхилл», зажигалка, теплые перчатки... довольно неожиданной находкой оказалась упаковка презервативов «Визит», и Лола порадовалась предусмотрительности господина Аветисова, который, как юный пионер, всегда готов, однако времени на веселье у нее не было: вряд ли разговор с придиричивым «гаишником» будет слишком долгим...

Лола внимательно оглядела салон. Леня, конечно, мог ошибаться, но после того, как он гениально просчитал действия Аветисова и поймал его в эту ловушку, Лола склонна была доверять его интуиции. Аветисов после угрожающего звонка наверняка забрал папку с компроматом из деревни Запечье, чтобы перепрятать в другое, более надежное место, и сейчас злополучная папка должна находиться здесь, в машине. Багажник она осмотрела – конечно, очень поверхностно, там вполне мог быть настоящий тайник, но это уже выше ее скромных возможностей, а вот салон...

Она подняла резиновый коврик в ногах водительского места. Под ним не было ничего. Обернувшись к заднему сиденью, ощупала чехлы. Они плотно прилегали к сиденьям, ничего постороннего под чехлами не прощупывалось. Лола дернула на себя одну из подушек... и та поддалась ее усилиям и легко сдвинулась с места. Лола потянула сильнее и вытащила обтянутую велюром подушку.

Под ней оказалось квадратное углубление, на дне которого покоилась самая обыкновенная довольно тонкая пластиковая папка, перехваченная розовой резиновой петелькой.

– Немедленно предъявите содержимое мешка для досмотра! – повторил грозный сержант, надвигаясь на Николая Афанасьевича.

Аветисов понял, что худшие его подозрения подтверждаются. Что там в этом проклятом мешке? И ведь теперь не докажешь, что он не имеет к нему никакого отношения! Трясущими руками он пытался развязать мешок, но проклятая веревка никак не слушалась. Сержант заглядывал через плечо, чем еще больше нервировал и без того доведенного до крайности человека.

– Что у вас там такое? – спросил безжалостный Снегиренко. – Почему вы так нервничаете?

– Там ка... кабанчик... – проговорил Аветисов заплетающимся языком. Веревка никак не развязывалась, и в голову ему полезли всякие ужасы. Вдруг в мешке вовсе не несчастный кабанчик, а труп, то есть настоящий, человеческий труп, который эта подлая болтливая девка хотела перевезти на его машине? Она сказала, что кабанчик весит восемьдесят – девяносто килограмм... самое то для трупа! А теперь она ото всего отопрется, скажет, что не имеет никакого отношения к мешку в багажнике и спихнет свой труп на ни в чем не повинного водителя...

Наконец, почти обломав ногти, он развязал веревку и торопливо растопырил горловину мешка.

На него пахло густым тоскливым запахом бедности и болезни. Мешок был под завязку набит старым никчемным тряпьем – таким, которое принимают на пунктах приема вторсырья для последующей переработки в бумагу. Принимают по двадцать копеек за килограмм.

– Кабанчик, значит? – спросил сержант Снегиренко, издевательски уставившись на несчастного водителя. – И где же, интересно, ваш кабанчик? И зачем вы ввели следственные органы в заблуждение?

Патрульный сержант ГАИ (или ГИБДД, что то же самое) – это вовсе не следственные органы, это был явный перебор, но несчастный Аветисов не обратил на это никакого внимания. Он обреченно заглянул в проклятый мешок и негромко проговорил:

– Она сказала, что это кабанчик...

Сержант выглядел так, как будто только что задержал серийного убийцу, грозу Кологрива и Крыжополя.

– Интересно, куда это вы везете такое тряпье на своей иномарке? Да эти тряпки не годятся даже на то, чтобы вашу «Тойоту» протирать! Согласитесь, что это выглядит очень подозрительно!

Николай Афанасьевич разевал рот, как выброшенная на берег рыба. Он хотел объяснить, что не имеет никакого отношения к проклятому мешку, но сержант не позволял ему вставить слово.

– Вынимайте немедленно все это тряпье из мешка! У вас, наверное, под тряпками что-то спрятано!

Задышавшись от омерзения, Аветисов принялся выбрасывать тряпки на снег. Дело шло удивительно медленно, мерзкие тряпки не хотели вылезать на свет, цеплялись друг за друга, запутывались бесформенными клубками. В глубине мешка ощущалась какая-то плотная тугая масса, и Николай Афанасьевич в ужасе ожидал, что сейчас вытащит наружу что-то чудовищное, а подлый сержант наблюдал за ним радостно горящим взором и угрожающе держался за кобуру...

Но когда Аветисов вытряхнул из мешка все его содержимое, оказалось, что в нем не было ничего страшного – всего лишь грязный детский полосатый матрасик с корявой чернильной надписью «ноги» на одном конце, напоминание о детсадовском комфорте советских времен.

– Это все, – растерянно произнес Николай Афанасьевич, разогнувшись и оглядев рассыпанную по дороге грудку тряпья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.